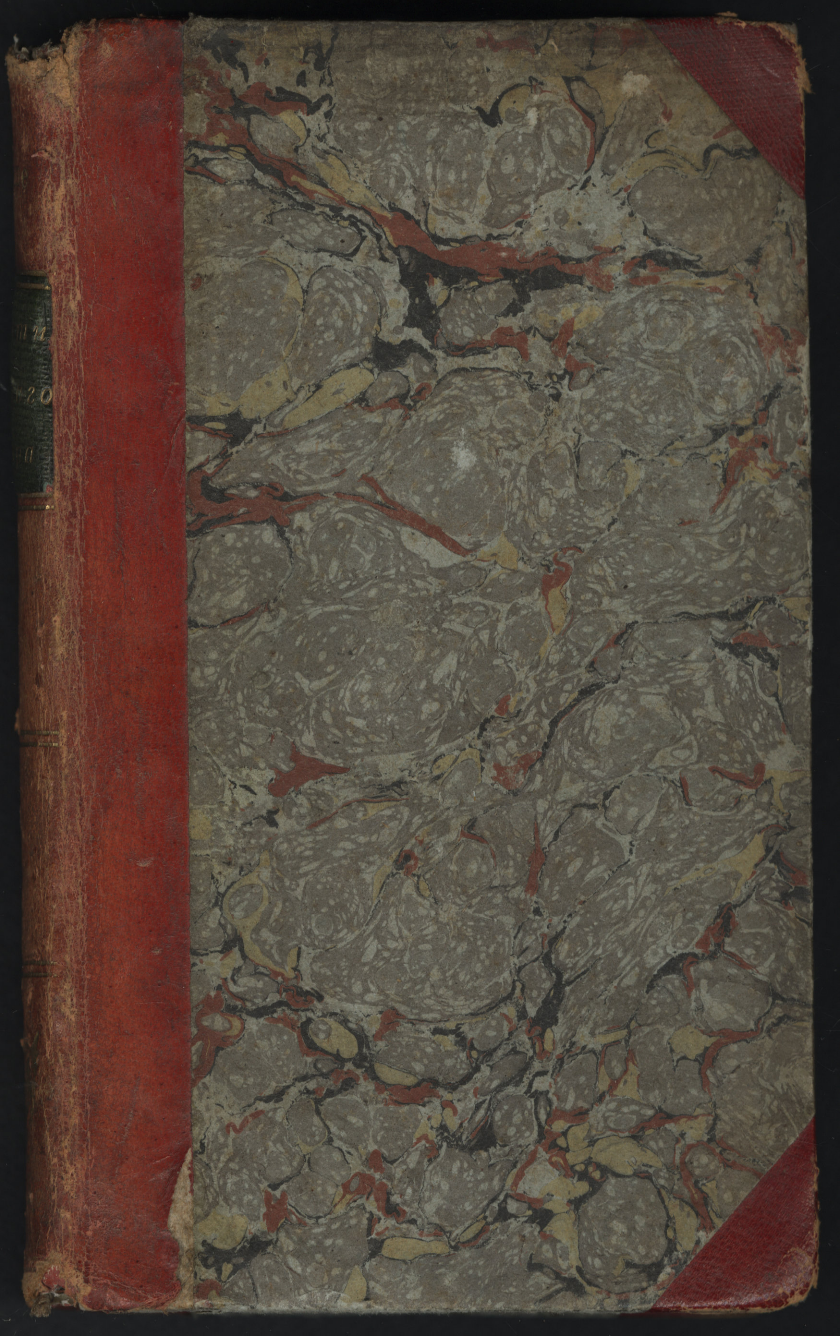
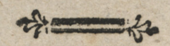


СТРАСТИ МОЛОДАГО ВЕРТЕРА.

ЧАСТЬ I.

Переведена съ Нѣмецкаго.



Вторымъ тисненіемъ.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ,

при Императорской Академіи Наукъ
1794 года.

ВЕРТЕРЪ
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ПИСЬМО 1.

Маїя 4 дня, 1771 году.

Какъ я доволенъ, что уѣхалъ, любезнѣйшїй другъ! какъ непонятно человѣческое сердце! Я тебя оставилъ! тебя друга моего и товарища! и могу быть спокоенъ? Знаю, что ты меня простишь въ разсужденїи обязательствъ, посланныхъ мнѣ судьбою терзать мое сердце? Бѣдная Елеонора! Но я не виноватъ; могу ли въ томъ отвѣчать, что, когда удивлялся я прелестямъ сестры ея, нѣжное чувство вкрадывалось въ ея сердце? Однакожъ — совсѣмъ ли я правъ? Не питалъ ли я

самъ страсти ея, и не смѣялся ли съ тобою невиннымъ израженіямъ искреннихъ ея чувствъ? Таково томленіе человѣка, чувствующаго таковыя укоризны въ своемъ сердцѣ? Я хочу, и обѣщаюсь тебѣ, любезной другъ, исправиться, а паче всего не взирать на прошедшее, и не терзаться печальнымъ напоминовеніемъ претерпѣнныхъ мною горестей; стану наслаждаться настоящимъ, прошедшее же будетъ для меня не возвратная участь. Ты справедливо судишь, что менѣебъ было въ свѣтѣ бѣдствія, еслибъ люди — Богъ знаетъ для чего они такъ сотворены! — сами собою охотнѣе воспоминаютъ о бѣдствіяхъ прошедшихъ, нежели хотятъ наслаждаться посредственностію жребія настоящаго.

Пожалуй, любезной другъ, скажи матушкѣ, что я хожу и стараюсь о ея дѣлахъ, и не умедлю объ оныхъ ее увѣдомить. Я видѣлся съ теткою; она совсѣмъ не такова

злая женщина, каковою мнѣ ее описали; на противъ того она весела, жива и весьма добраго сердца. Я предложилъ ей неудовольствія матушкины въ разсужденіи части наслѣдства, которой она еще не получила; она объявила мнѣ на то свои причины и договоры, на коихъ охотно возвратитъ не только принадлежащее ей, но и сверьхъ требуемаго. Словомъ: я теперь ничего болѣе не скажу. Но ты можешь увѣрить матушку, что все будетъ благополучно. Изъ сего дѣла нашелъ я, любезной другъ, что оплошность и недоразумѣніе больше можетъ быть причиняютъ неустройствъ, нежели злоба и обманъ, по крайней мѣрѣ сіи послѣдніе кажется мнѣ случаются рѣже.

Въ протчемъ для меня весьма приятно здѣсь уединеніе въ семъ земномъ раю. Сыскивается отрада моему сердцу. Весеннія приятства оживляютъ его новымъ жаромъ. Ка-

ждое дерево, каждой кусточикъ представляетъ связки цвѣтовъ, распространяя сладкое по всему полю благоуханіе.

Городъ самъ собою не столь приятенъ, но окружность его природа наградила всѣми своими прелестьми. Сіе побудило покойнаго Графа М. . развести садъ на одномъ изъ ближайшихъ холмовъ, кои столь приятно пестрятъ и украшаютъ поля. Садъ сей весьма простъ; при самомъ входѣ видѣть можно, что онъ разведенъ не садовникомъ искуснымъ, но чувствительнѣйшимъ сердцемъ, которое само собою хотѣло наслаждаться. Я уже пролилъ нѣсколько слезъ въ память покойнаго, въ обвалившейся бесѣдкѣ, которая была любезнѣйшимъ его мѣстомъ, а нынѣ стала моимъ. Вскорѣ я овладѣю симъ садомъ. Садовникъ мнѣ доброхотенъ, и не будетъ имѣть причины въ томъ раскаеваться.

ПИСЬМО 11. Маїя 10.

Непонятная радость объемлетъ мое сердце; душа моя спокойна, какъ тихое утро весны. Въ уединенїи моемъ восхищаюсь жилищемъ, приличнымъ моему расположенїю, и наслаждаюсь въ немъ блаженствомъ жизни. Другъ мой! я такъ щастливъ, такъ упоенъ сладостїю моего бытїя, что и знанїя мои забываю. Я не въ состоянїи ничего изобразить, ни провести единой черты; но никогда не былъ толь искуснымъ живописцемъ, какъ теперь. Ибо когда легчайшїй паръ покрываетъ веселыя долины; когда солнце среди своего теченїя отдыхаетъ на вершинѣ густо сплетенныхъ деревъ, ограждающихъ меня непроницаемою тѣнью, пропуская сквозь оныя только слабые свои лучи во внутрь моего святилища; когда возлежа на густой муравѣ при быстротекущемъ источникѣ, утѣшаюсь различїемъ злаковъ, при-

общаюсь тварямъ меня окружающимъ, кои журчатъ на класахъ, прыгаютъ или пресмыкаются по травѣ; тогда ощущаю присутствїе Всемогущаго Создавшаго насъ; тогда исполняюсь вдохновенїемъ Предвѣчнаго, коего безпримѣрнымъ милосердїемъ движемся и живемъ, словомъ, другъ мой, когда взоръ мой омрачается; когда небо и земля совокупно въ душѣ моей успокоеваются, подобно какъ образъ возлюбленной моей; тогда пришедъ въ себя, помышляю: ахъ! естьлибъ ты возмогъ изъяснить сїи приятства съ такимъ совершенствомъ, съ такою силою, съ каковою они въ тебѣ впечатлѣваются; сїе было бы зерцаломъ души твоей, какъ душа твоя есть зерцало безпредѣльнаго Существа. Другъ мой, но величественность сихъ воображенїй меня смущаетъ и разитъ.

ПИСЬМО III. Маїя 12.

Я не знаю, волшебные ли вокругъ меня летаютъ духи, или бо-

жественное во мнѣ дѣйствуетъ вообраҗенїе, что все окружающее меня кажется раемъ. Недалеко отсюда находится источникъ, къ коему привязанъ я какъ Мелузина со своими сестрами. Сошедъ съ небольшаго холму, выдешь къ каменному своду, гдѣ спустясь на двадцать ступеней, увидишь чистѣйшїя струи изъ мрамора истекающїя. Окружающая его ограда, покрывающїя его высокїя дерева и прохлада мѣста имѣютъ нѣчто трогающее и величественное. Не проходитъ дня, въ которой бы я по крайней мѣрѣ не посидѣлъ часу приономъ. Молодыя горожанки приходятъ черпать изъ него воду: невинное и нужнѣйшее упражненїе, коимъ нѣкогда занимались Царскїя дщери! Тогда времена Патрїарховъ живо представляются моему воображенїю; я вижу сихъ предковъ, заключающихъ между собою союзы и торжествующихъ при источникахъ браки подъ защитою

благотворительныхъ духовъ.

Другъ мой, кто не возхищается симъ воображенiемъ, тотъ никогда не наслаждался во время лѣтнихъ жаровъ прохладою при потокахъ водъ.

ПИСЬМО IV. Маїя 13.

Ты спрашиваешь желаю ли я, чтобъ ты прислалъ ко мнѣ книги; ради Бога не присылай. Руководство ихъ и возбужденiе для меня не нужны. Сердце мое само собою довольно воспалено; мнѣ надобны усладительныя пѣсни, кои и нахожу съ избыткомъ въ моемъ Омирѣ. Сколь часто старался я успокоить колеблющееся мое сердце и утушить пылающую въ немъ кровь? Но кому говорю я? Ты самъ неоднократно сострадалъ, видя меня изъ печальныхъ восторговъ въ радостные преходящаго, и изъ приятной унылости въ пагубныя погружающагося страсти. Сердце мое

подобно изнѣженному дитяти, которому я далъ полную волю. Но сïе сказано только между нами; есть люди, которые меня за сïе поносить станутъ.

ПИСЬМО V. Маïя 15.

Здѣшнïе обыватели со мною познакомились и любятъ меня, особливо дѣти. Съ начала когда подходилъ я къ нимъ и дружелюбно хотѣлъ съ ними поговорить, они, щитая сïе за насмѣшку, отвѣчали мнѣ грубо. Сей поступокъ меня ни мало не отвратилъ, а больше только увѣрилъ въ моемъ примѣчанïи. Знатные люди всегда удаляются отъ низкихъ, какъ будто опасаясь потерять что нибудь чрезъ свое къ нимъ приближенïе. Одни только невѣжи и шуты, по видимому, сообщаются съ ними только для того, чтобы дать имъ болѣе возчувствовать свою высокомѣрность.

Я знаю самъ, что мы не всѣ равны и не можемъ быть равными; но тотъ, которой для доставленія себѣ вящшаго почтенія презираетъ простой народъ, по моему мнѣнію столь же поносенъ, какъ, и трусъ, скрывающійся отъ своего неприятеля, опасаяся быть отъ него побѣжденнымъ.

Въ послѣдній разъ, какъ былъ я у источника, нашелъ у онаго молодую служанку, которая поставивъ кувшинъ съ водою на послѣдней ступени, дожидалась подруги, которая бы помогла ей поставить оной на голову. Не угодно ли, голубушка, чтобы я тебѣ пособилъ, сказалъ я ей. Ахъ! нѣтъ сударь, отвѣчала она закраснѣвшись. Пожалуй безъ отговорокъ — Она приладила свою подушку, я помогъ ей поставить кувшинъ. Она поблагодаря меня, пошла на лѣстницу.

ПИСЬМО VI. Маїя 17.

Я завелъ великое знакомство, но не сыскалъ еще общества. Во мнѣ, я не знаю, есть нѣчто привлекательное для здѣшнихъ жителей; гдѣ бы я имъ ни встрѣтился, всегда ко мнѣ подойдутъ и обласкаютъ такъ, что мнѣ жаль съ ними растаться. Ежели ты меня спросишь: каковы здѣсь люди? Другъ мой, скажу тебѣ: каковы и вездѣ. Смертные повсюды одинаковы. Большая часть людей почти все свое время употребляютъ для доставленія себѣ пропитанія, свободное же, коего однако весьма мало, столь имъ тягостно, что они всѣми способами стараются сократить оное. О участь человѣческая!

Но есть родъ людей добрыхъ и любви достойныхъ, съ коими я иногда забываюсь, иногда вкушаю удовольствіе сродное человѣчеству, каковое есть: сидѣть за небогатымъ, но порядочнымъ столомъ, собесѣдовать съ чистымъ и откро-

веннымЪ сердцемЪ; прогуливаться или танцовать во время, и другое сему подобное, что все дѣйствуетЪ во мнѣ не худо, только не долженЪ я тогда воспоминать, что многія другія способности во мнѣ затмѣваются, которыя пребываютЪ безЪ всякаго дѣйствія и которыя я и скрывать еще долженЪ. АхЪ какЪ сія мысль угнѣтаетЪ мое сердце! А такова, другЪ мой, судьба, чтобы насЪ не узнали, есть всѣхЪ намЪ подобныхЪ.

Увы! по что перестала она быть другомЪ моей юности, или по что я зналЪ ее? Я бы могЪ сказать себѣ: безрассудный! ты ищешь невозможнаго. Но я уже ее нашелЪ, испыталЪ совершенно ея сердце и величественность души ея, предЪ коей и самое бытїе мое казалось быть превосходнѣйшимЪ, по тому что во мнѣ все то было, чему только быть можно. Боже мой! не всѣ ли тогда душевныя мои силы были напряжены, не вся ли вну-

тренность моихъ чувствъ, толь глубоко природою въ сердцѣ моемъ запечатлѣнныхъ, была ей отверзста? Не всѣ ли наши обхожденія состояли въ чистѣйшихъ чувствованіяхъ, въ выраженіяхъ остроумнѣйшихъ, коими воспалялись наши души? А теперь! Но ахъ, она предупредила меня въ своемъ пути, она скончала дни свои оставя меня одного! Память ея всегда пребудетъ драгоцѣнна моему сердцу, твердость ея духа и безподобное ея снисхожденіе останутся вѣчно незабвенными.

Недавно познакомился я съ молодымъ и привлекательнымъ человѣкомъ, называемымъ Б... имѣющимъ окладъ лица весьма недурный. Онъ лишь только вышелъ изъ университета, и хотя не щитаетъ себя мудрецомъ, однако думаетъ, что онъ искуснѣе другихъ. И въ самомъ дѣлѣ видно, что онъ учился прилѣжно, по тому что имѣетъ довольныя свѣ-

денія: Услыша, что я охотникъ рисовать и знаю Греческій языкъ, (что здѣсь за чудо почесть можно) прибѣжалъ ко мнѣ и величался многими знаніями начиная отъ Баттея до Вуда, отъ де Пиля до Винкельмана, и увѣряя, что прочелъ онъ всю первую часть Сулцеровой Ѳеоріи и имѣетъ у себя рукопись Гейна о наукѣ древности. Все сіе, хотя и неохотно, однако выслушалъ я отъ него.

Еще свелъ я знакомство съ управителемъ Свѣтлѣйшаго Князя, человѣкомъ весьма добрымъ, чистосердечнымъ и обходительнымъ. Говорятъ, что ничто такъ не пріятно и вниманія достойно, какъ видѣть его среди семейства, состоящаго изъ девятерыхъ его дѣтей. Особливо много говорятъ о старшей его дочерѣ. Онъ звалъ меня къ себѣ, и я при первомъ случаѣ не премину его посѣтить; живетъ же онъ отсюда въ полуторѣ мили, въ охотничьемъ дво-

рѣ Свѣтлѣйшаго Князя, куда онъ съ дозволенія его переселился, не могши больше жить въ другой его маетности, по смерти возлюбленной своей супруги. Окромѣ сихъ знакомцовъ, встрѣчались мнѣ еще нѣкоторые щоголи, въ коихъ мнѣ все несносно, наипаче дружескія ихъ увѣренія.

Прости другъ мой; сіе письмо конечно тебѣ понравится; оно писано исторически.

ПИСМО VII. Маія 22.

Жизнь человѣческая, по многихъ разсужденію и по моему собственному, подобна сну. Ибо когда разсматриваю узкіе предѣлы, въ коихъ заключаются всѣ дѣйствія и проницанія человѣческія; когда разсуждаю, что всѣ ихъ силы истощеваются въ удовлетвореніи только своихъ нуждъ, неимѣющихъ другаго предмѣта, какъ продолженіе бѣдственнаго своего бытія, когда примѣчаю, что спокойствіе ихъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ

составляетъ только слѣпое повиновенiе, и что утѣшенiе ихъ состоитъ въ украшенiи лестными изображенiями стѣнъ, подобно темницѣ, ихъ тѣснящихъ; другъ мой, изумляюсь. Но пришедъ въ себя нахожу, что свѣтъ болѣе наполненъ пустыми желанiями, предчувствованiемъ и суетою, нежели истинными дѣянiями и настоящею жизнiю. Тогда все представляется мнѣ на подобiе вихря, которой уноситъ меня въ мечтанiи моемъ вмѣстѣ съ другими.

Всѣ учители и мудрецы единогласно признаютъ, что дѣти чего желаютъ, не знаютъ сами; но что и взрослые люди подобно дѣтямъ странствуютъ по земному шару, не зная откуда приходятъ и куда идутъ, и не направляя стопы своя по истиннымъ стезямъ, но на подобiе дѣтей, какою нибудь игрушкою или лозою управляемы бываютъ; сему никто вѣрить не хо-

четъ, а мнѣ кажется оное весьма ощутительно.

Признаюсь тебѣ, ибо предвижу, что ты на то сказать можешь, что тѣ счастливѣйшїе люди, которые живутъ какъ дѣти, нося чрезъ цѣлый день куклы въ рукахъ одѣвая и раздѣвая оныя, и ходя съ великимъ подобострастїемъ около ящика, гдѣ хранятся заѣдки, которыя получивъ съ жадностїю хватаютъ, а по томъ опять кричатъ, чтобы еще получить оныхъ. О блаженныя созданїя! Благополучны также и тѣ, которые пустымъ своимъ упражненїямъ, а иногда и страстямъ даютъ пышныя названїя и представляютъ себя смертнымъ людьми, пекущимися о ихъ благосостоянїи и славѣ. Щастливъ, кто можетъ быть такимъ! Но человѣкъ со здравымъ разсудкомъ признающїй суету таковыхъ дѣлъ, взирающїй на достаточнаго мѣщанина, благоуспѣшно разводящаго себѣ вертоградъ, раз-

суждающій о спокойномъ равнодушіи бѣднаго поселянина, носящаго тягостную свою ношу, примѣчающій общее всѣхъ желаніе наслаждаться какъ возможно больше дневнымъ свѣтомъ, сей есть прямо спокоенъ: онъ самъ созидаетъ себѣ особливый свѣтъ, и щастливъ по тому, что онъ человѣкъ. Въ протчемъ какъ ни ограниченъ въ своемъ состояніи, однакожъ всегда хранитъ въ душѣ своей сладчайшее чувство свободы и помнитъ, что онъ властенъ вытти изъ своей темницы.

ПИСЬМО VIII. Маія 26.

Ты знаешь, что я всегда привыкъ выбирать для себя надежное мѣсто, которое приискавъ по своимъ мыслямъ, въ немъ и расположусь; и такъ скажу тебѣ, что я и здѣсь нашелъ такое, которое мнѣ весьма прилично.

На одну милю отъ города есть мѣсто, называемое Вал-

геимъ (*). Положенїе его на холмѣ весьма примѣчательно, и вышедъ изъ села по тропинкѣ, однимъ взоромъ обозрѣвается вся долина. Тутъ можно сыскать у пожилой трактирщицы, довольно еще веселой въ разсужденїи своихъ лѣтъ, вина, пива, кофїю; и что всего превосходнѣе, тутъ находятся двѣ липы, покрывающїя распростертыми своими вѣтьвями передъ церковью площадку, окруженную крестьянскими избами, житницами и дворами. Толь спокойнаго и уединеннаго мѣста я мало находилъ, и для того, когда туда приду, всегда велю принесть изъ трактира столикъ и стулъ, и читая своего Омира, пью кофей. Въ первый разъ когда нечаянно пришелъ туда въ прекрасное послѣ полудни время, въ немъ царствовала

(*) Мы предувѣдомляемъ читателя, чтобы онъ означеннаго здѣсь мѣста не прїискивалъ, по тому что находящїяся въ подлинникѣ настоящїя названїя перемѣнены.

совершенная тишина; ибо тогда всѣ были въ полѣ. Одинъ только четырехлѣтней мальчикъ сидѣлъ на землѣ, держа въ коленяхъ полугодоваго робенка и прижимая его руками къ своей груди, служилъ ему вмѣсто нѣкоторой сидѣлки, такъ что не смотря на живность начертанную на черныхъ его глазахъ, сидѣлъ онъ весьма смирно. Прельщенный симъ зрѣлищемъ, сѣлъ я противу ихъ на сохѣ и съ великимъ удовольствїемъ началъ срисовывать ихъ въ семъ братскомъ положенїи, присовокупя къ тому часть плетня, воротъ и колесъ, изломанныхъ въ такомъ безпорядкѣ, въ какомъ оныя находилися; и по окончанїи сей работы, нашелъ наилучшее разположенїе въ моемъ рисункѣ безъ всякихъ при томъ моихъ вымысловъ. Сїе утвердило меня въ моихъ мысляхъ, что лучше всегда подражать природѣ. Ибо она едина безконечно изобилуетъ и едина образуетъ знатнѣйшихъ художниковъ. И такъ все,

что приписываютъ въ похвалу гражданскихъ обществъ, можно сказать въ разсужденіи сихъ правилъ. Человѣкъ слѣдующій онымъ никогда не произведетъ ничего нелѣпаго или противнаго, такъ какъ и тотъ, которой держится законовъ и благоустройствъ, никогда не будетъ ни скушнымъ сосѣдомъ, ни опаснымъ злодѣемъ; на противъ того правила, чтобы кто ни говорилъ, помрачаютъ истинныя черты и явственныя изображенія природы. Ты сдѣлаешь на сіе возраженіе, что наблюденіе оныхъ отметаетъ только излишества и предполагаетъ настоящіе предѣлы. Другъ мой! уподобимъ мы знаніе съ любовною страстью. Молодой человѣкъ, влюбясь въ дѣвицу, посвящаетъ ей всѣ дни свои, истощеваетъ свои силы и расточаетъ имѣніе, дабы доказать свою къ ней преданность Между тѣмъ приходитъ Филистеръ, мужъ занимающій судейское мѣсто, и говоритъ

ему: другъ мой, любовь есть свойственна человѣку, но надобно и любить свойственно оному. Раздѣли часы свои, посвящая одни на упражненіе, а другіе праздные для своей возлюбленной. Разочти свои доходы, и что за излишествомъ ихъ останется, употреби оные ей на подарки, но не на весьма частые, а только развѣ въ день ея рожденія, въ ея именины и проч. Ежели молодой человѣкъ приметъ сіи совѣты, онъ сдѣлается полезнымъ обществу, и я одобрю его всякому Государю употребить его въ свою службу; но тогда любовь его угаснетъ, и естьли онъ художникъ, знаніе его изчезнетъ. О другъ мой! отъ чего источникъ разума столь рѣдко изливается, и волненіемъ своимъ не возбуждаетъ изумленныхъ нашихъ сердецъ? Отъ того, что малодушные люди поселяются у береговъ онаго, и разведенные въ сихъ мѣстахъ сады, цвѣтники и огороды были бы онымъ потоплены, и

для того они роютъ каналы и дѣлаютъ насыпи для предваренія угрожающей имъ напасти.

ПИСЬМО IX. *Маія* 27.

Я вошелъ въ такія сравненія и восторги, что забылъ тебѣ окончить свою повѣсть. Погруженный въ мысляхъ о живописѣ, изъясненныхъ мною тебѣ въ послѣднемъ моемъ письмѣ весьма безпорядочно, просидѣлъ я на сохѣ цѣлые два часа. Тогда уже подъ вечеръ пришла молодая женщина къ симъ двумъ мальчикамъ, которые во все оное время ниже тронулись съ мѣста, и держа корзинку въ рукѣ, издали кричали: ахъ ты умникъ мой Филипъ! Мы съ нею поклонились; я всталъ и подошедъ къ ней спросилъ не ея ли ето дѣти? Она отвѣчала, что ея; а между тѣмъ давъ большему кусочикъ булки, взяла маленькаго на руки, и лобызала его со всею матерьнею го-

рячностїю. Я, продолжала она, приказала смотрѣть Филипу за своимъ братомъ, а сама съ старшимъ сыномъ ходила въ городъ покупать бѣлаго хлѣба, сахару и горшечикъ для похлѣбки Я осмотрѣлъ все сїе въ ея корзинкѣ, съ коей свалилася крышка. Я сварю Иванушкѣ, (такъ назывался меньшой сынъ) говорила она, къ вечеру похлѣбку. Старшей вчера разбилъ горшокъ, поссоряся съ Филипомъ за кашу. Я спросилъ, гдѣ сей старшей! и едва она мнѣ отвѣчала, что онъ загоняетъ съ поля двухъ гусей, какъ онъ самъ прискакалъ, и принесъ Филипу орѣховую тросточку. Послѣ сего разговаривая съ нею узналъ я, что она дочь учительская, и что мужъ ея уѣхалъ въ Голландїю за наслѣдствомъ послѣ дяди. Другїе наслѣдники, примолвила она, хотѣли было его обидить и не отвѣчали на его письма, по чему онъ принужденъ былъ самъ туда отправиться. Съ тѣхъ поръ нѣтъ объ немъ никакого извѣ-

стія; дай Боже, что бы ему не сдѣлалось какого нещастія! Я съ сожалѣніемъ оставилъ сію молодку, давъ каждому мальчику по нѣскольку денегъ, также и ей на покупку калача, когда пойдетъ въ городъ; послѣ чего съ нею разстался.

По истиннѣ, другъ мой, ежели я не властенъ надъ моими чувствами, то ничто такъ волненія ихъ не утоляетъ, какъ видъ спокойной твари, которая съ щастливымъ равнодушіемъ преходитъ краткій путь своего бытія и безъ смущенія взираетъ на мимо текущіе дни свои, а снисπадающее лиственіе съ деревъ другаго въ ней понятія не раждаетъ, какъ о приближеніи зимы.

Съ того времени я часто хожу туда, и дѣти со всѣмъ ко мнѣ привыкли. Они всегда получаютъ отъ меня по куску сахару, когда я пью кофей, а въ вечеру дѣлюся съ ними хлѣбомъ, масломъ и молокомъ. Каждое воскресеніе о-

опредѣлено имъ отъ меня по крейцеру, и ежели не случится мнѣ быть самому послѣ молитвы, то тракширщица по моему приказанію раздаетъ имъ сію дачу.

Они стали смѣлы, разсказываютъ мнѣ все что только знаютъ, и забавляютъ меня своею невинною простотою.

Я на силу уговорилъ мать, чтобы она на нихъ не кричала, будто бы они меня безпокоятъ.

ПИСЬМО X. Іюня 16.

Ты щитаешься между учеными, а спрашиваешь меня для чего я къ тебѣ не пишу? Не долженъ ли ты самъ отгадать, что я здоровъ, и при томъ — Словомъ сказать: свелъ знакомство, которое ближе къ моему сердцу. Я — самъ не знаю, что я —

Мнѣ не малаго стоитъ труда расказать тебѣ порядочно, какимъ случаемъ узналъ я любезнѣйшую особу; я щастливъ и доволенъ,

слѣдственно и не могу быть исправнымъ повѣствователемъ.

Ангелъ! — Вотъ! скажешь ты; не правда ли? Но какъ бы то ни было, я не въ состоянїи изъяснить тебѣ, сколь она совершенна, и почему совершенна, довольно, она плѣнила всѣ мои чувства.

Какая простота сопряжена съ толикимъ разсудкомъ! какое добродушїе съ толикою живностїю! какое спокойствїе среди толь хлопотливой жизни!

Но все что я ни сказалъ, пустыя только слова и выраженїя, которыя не даютъ тебѣ понятїя ни о малѣйшемъ ея достоинствѣ. Въ другой разъ — Нѣтъ, теперь, или ни когда. Ибо между нами сказано, съ тѣхъ поръ какъ сѣлъ я писать, три раза покушался бросить перо и спѣшилъ къ ней; по утру клялся не выходить ни куда со двора, а самъ ежеминутно бѣгаю къ окошку, и смотрю высоко ли еще солнце.

Я не могъ себя преодолѣть и ходилъ къ ней: теперь только возврашился и полдничая, къ тебѣ любезной другъ, писать начинаю. Сколь пріятно видѣть ее среди юнаго семейства!

Ежели я все буду продолжать такъ не понятно, то ты столь же мало свѣдаешь обо мнѣ при окончаніи моей повѣсти, какъ при началѣ оной, но выслушай, я принужу себя войти въ подробности.

Не давно писалъ я къ тебѣ о знакомствѣ моемъ съ управителемъ С., которой просилъ меня посѣтить его въ уединеніи или, какъ онъ говорилъ, въ маленькомъ его королевствѣ. Я со всемъ о томъ позабылъ, и можетъ быть никогда бы у него не былъ, если бы случай не открылъ мнѣ сокровища, хранимаго въ семъ убѣжищѣ.

Молодые наши люди согласились сдѣлать за городомъ балъ, въ коемъ и мнѣ участвовать захотѣлось. Я выбралъ товарищемъ дѣ-

вицу, которая лицомъ не дурна и довольно хорошихъ свойствъ, въ прочемъ ничего отмѣннаго не имѣла. Разположенїе наше было, что бы мнѣ взять карету и съ танцовщицею своею и съ ея теткою заѣхать по дорогѣ за Шарлотою С. и ее взять съ собою. Вы увидите красавицу, сказала мнѣ моя дѣвица, когда выѣхали мы чрезъ прекрасную просѣку къ охотничьему двору. Берегитесь, примолвила ея тетка, что бы вамъ не влюбиться — Для чего, спросилъ я? — Для того, что она уже сговорена за достойнаго человѣка, которой для приведенїя въ порядокъ дѣлъ по смерти отца своего, и для приисканїя выгоднаго себѣ мѣста, отсюда отправился. Сїе слушалъ я равнодушно.

Когда мы приѣхали къ воротамъ, солнце было уже на закатѣ; воздухъ сдѣлался тяжелый, небо омрачилось пасмурными облаками, женщины спа-

ли робѣть; но я, дабы ихъ успокоить, казался веселымъ, предвѣщая хорошую погоду, хотя и предвидѣлъ, что праздникъ нашъ будетъ не удаченъ.

Я вышелъ изъ кареты. Служанка пришла просить насъ именемъ госпожи, что бы мы ее нѣсколько подождали. Я прошелъ дворъ, взошелъ на крыльцо и вошедъ въ комнату, увидѣлъ прелестнѣйшее взору моему зрѣлище. Въ передней бѣгали и вертѣлись шестеро дѣтей отъ двухъ до двенадцати лѣтъ, около молодой и стройной дѣвицы, одѣтой въ бѣлое простое платье съ розовыми на рукахъ и на груди бантами. Она держала хлѣбъ и разрѣзывая оный ломтями, одѣляла каждаго по лѣтамъ и по силамъ, съ нѣжнымъ и пріятнымъ видомъ. Каждый робенокъ подымалъ свои рученки къ верьху въ ожиданіи своей долѣ, которую получивъ приносилъ по возможности

благодарность, тѣшился своимъ полдникомъ, отпрыгивалъ въ сторону или, которой скромнаго сложенія, выходилъ къ калиткѣ и осматривалъ гостей и карету, въ которой поѣдетъ ихъ Шарлота. Извините меня, что я заставила васъ зайти за собою, а гостей вашихъ себя дожидать. Нѣкоторыя домашнія распоряженія и уборъ мой причиною тому, что я забыла о полдникѣ своихъ дѣтей, они же не принимаютъ ни отъ чьихъ рукъ окромѣ моихъ. Я нѣчто приговорилъ ей въ отвѣтъ, не помня самъ себя; всѣ мысли мои были устремлены на ея образъ, голосъ и поступки, и едва только началъ приходить въ себя, какъ она сбѣгала въ другую комнату за опахаломъ и рукавицами. Дѣти глядѣли на меня издали, и я подошелъ къ самому меньшему мальчику, которой былъ всѣхъ пригожѣе. Онъ отъ меня отворачивался. Но Шарлота пришедъ на ту пору сама, сказала

ему: Людвихъ, дай дядюшкѣ ручку. Онъ тотъ часъ съ охотою подалъ мнѣ оную, и хотя былъ нѣсколько слюнявъ, но я не могъ удержаться, чтобы его не поцѣловать. сударыня, сказалъ я прелестной Шарлотѣ, не уже ли вы находите меня достойнымъ быть вашимъ сродственникомъ? О! отвѣчала она съ притворною улыбкою, у меня много такихъ сродственниковъ, и я бы сожалѣла, еслибъ вы были хуждимъ изъ оныхъ. Она отъѣзжая велѣла Софьюшкѣ, старшей по ней сестрѣ, дѣвочкѣ лѣтъ одинатцати, смотрѣть за дѣтьми и встрѣтить батюшку, когда онъ съ поля возвратится; а дѣтямъ приказала слушаться сестры Софьюшки, какъ бы ее самой, что они исполнить обѣщались. Но шестилѣтняя бѣлокурая дѣвочкѣ сказала ей: вить ты не Шарлота; по томъ оборотясь къ Шарлотѣ примолвила: мы тебя лучше слушаемся. Между тѣмъ старшіе два брата ста-

ли на зади кареты, и она по прозьбѣ моей, позволила имъ проѣхать въ мѣстѣ съ нами до лѣсу съ тѣмъ условїемъ, чтобы держались крѣпче.

Едва мы сѣли въ карету и барыни успѣли нѣсколько поговорить о нарядахъ, особливо о шляпкахъ, также и о томъ обществѣ, съ которымъ надѣялись препроводить вечеръ, Шарлота велѣла остановиться и ссадить своихъ братьевъ, которые еще разъ цѣловали ея руку, что старшїй сдѣлалъ съ нѣжностїю свойственною пятнатцатилѣнему мальчику, а меньшой съ большею живностїю. Она послала чрезъ ихъ поцѣлуи другимъ братьямъ и сестрицамъ, и мы продолжали свой путь далѣе.

Тетка спросила ее: прочла ли она присланную ей недавно отъ нее книгу. Нѣтъ, отвѣчала она, я вамъ ее возвращу. Мнѣ какъ сїя, такъ и прежняя не понравились

Я ужаснулся, когда спросивъ о титулѣ книгъ, услышалъ, что оныя были (*). Я находилъ столь много проницанія и благоразумія въ каждомъ ея словѣ, и при всякомъ ея изреченіи видѣлъ новыя блистающія въ ней прелести, и новые лучи знанія, которые тѣмъ паче открывались, чемъ больше чувствовала она, что я оные разумѣлъ.

Когда я была моложе, продолжала она, то ни чего такъ не любила какъ романы. Какъ много щитала я себя щастливою, когда въ воскресные дни зашедши въ уголъ, душевно раздѣляла горести Мисы Женны! Признаюсь, что такія кни-

(*) Здѣсь за нужное почли умолчать о сихъ титулахъ, дабы кому ни есть не подать случаю къ какому нибудь затрудненію, хотя въ протчемъ сочинитель ни чего не теряетъ чрезъ разсужденіе какой либо дѣвицы или непостояннаго молодаго человѣка.

хи еще и теперь меня прельщаютЪ. Но какЪ теперь читаю я весьма рѣдко, то и выбираю книгу по моему вкусу. Я предпочитаю того писателя, которой не отволитЪ меня отЪ состоянія, вЪ коемЪ нахожу и себя и окружающихЪ меня, и коего повѣствованіе, столь же восхитительно и приятно, какЪ жизнь моя среди моего семейства, жизнь хотя и не райская, но служащая для меня источникомЪ сладчайшихЪ удовольствій.

Я старался скрыть движеніе, произведенное во мнѣ сими послѣдними словами. Но сіе не долго продолжалось; ибо когда я услышалЪ, что она также откровенно разсуждала и о Викаріи Вакефилдѣ (*) — то вышелЪ изЪ терпѣнія и началЪ сЪ великимЪ жаромЪ разсказывать ей все, что о томЪ зналЪ. Спу-

(*) Здѣсь также упущены нѣкоторыя имена авторовЪ.

стя нѣсколько времени Шарлота обратила рѣчь къ госпожамъ, которыя были съ нами, и я тогда только примѣтилъ ихъ присутствїе. Тетка часто взглядывала на меня съ насмѣхательною улыбкой, однако я ни мало сего не уважалъ.

По томъ рѣчь зашла о танцованїи. Ежели страсть къ танцамъ порочна, сказала Шарлота, то признаюсь чистосердечно, что я больше всѣхъ виновата; нѣтъ приятнѣе для меня удовольствїя, грущу ли я или задумчива бываю, какъ тотъ часъ бѣгу къ клавирамъ, проиграю контръ-танецъ и все забыто.

Ты знаешь меня, другъ мой, слѣдственно и представить себѣ можешь взоръ мой устремленный на черные и прелестные ея глаза, душу мою привязанную къ ея душѣ и мысли мои погруженныя въ владычественныхъ ея выраженїяхъ. На конецъ вышелъ я изъ кареты, какъ бы мечтаю-

щїй во снѣ, и въ такомъ исступленїи, что едва услышалъ музику, которая встрѣчала насъ въ низу изъ освѣщеннаго зала.

Двое господъ Одрановъ и извѣстный господинъ Р.. ибо какъ упомнить всѣхъ имена! которые танцовали съ теткою и съ Шарлотою, принимали насъ изъ кареты и провожали своихъ дамъ, а я повелъ свою. Балъ начался минуетами; я танцовалъ съ каждою дамою; чуднѣе всего, что тѣ, которыя были отвратительнѣе, сами продолжали танцы и не хотѣли скоро подавать рукъ. Шарлота начала съ своимъ кавалеромъ Аглинскїй контръ-танецъ. Представь себѣ мое восхищенїе когда она поровнялась съ нами! Надобно видѣть саму Шарлоту! душа и сердце сопровождаютъ ея слѣды и весь видъ ея изъявляетъ легкость, согласїе и прелести.

Я просилъ ее танцовать со мною второй контръ-танецъ; она

дала слово и на третій; и съ пріятнѣйшею откровенностію сказала мнѣ, что она особливо любитъ Алеманы. Здѣшній обычай, продолжала она, есть такой, что бы таже пара танцовала и Алеманы вмѣстѣ, но мой Кавалеръ баленсируетъ худо, и конечно будетъ доволенъ, если я его избавлю отъ сего труда; ваша дама видно также не мастерица; а въ Аглинскомъ контръ-танцѣ примѣтила я, что вы баленсируете хорошо; и такъ если вамъ угодно танцовать со мною Алеманъ; то предложите о семъ моему кавалеру, а я предложу вашей дамѣ. Мы пошли къ своимъ товарищамъ; дѣло сдѣлано было по нашему желанію, и кавалеръ Шарлотинъ поднялъ мою даму.

На конецъ начали танцовать, и сперва дѣлали разныя фигуры руками. Сколь прелестны, сколь живы были всѣ ея движенія! Когда дошло дѣло до баленсированія, то дѣй-

ствующія особы начали другъ друга нарочито поталкивать. Но мы были осторожнѣе ихъ и нѣсколько поудалились, пока неумѣющіе очистили намъ мѣсто, а по томъ и сами начали танцовать только въ двѣ пары. Я ни когда не бывалъ такъ легокъ; во мнѣ было нѣчто сверхъ человѣчества. Держать въ объятіяхъ прекраснѣйшую особу; летать съ нею какъ вихрь, терять изъ виду всѣ предмѣты — Но признаюсь тебѣ, что я тутъ же клялся, что дѣвица, которую бы я любилъ, и имѣлъ бы на оную нѣкоторое право, ни съ кѣмъ бы, окромѣ меня, баленсировать не стала. Ты меня понимаешь другъ мой.

По окончаніи танцовъ, начали ходить по залѣ, дабы не много отдохнуть. По томъ она сѣла, а я принесъ ей для прохлажденія нѣсколько съ сахаромъ лимону, которой унесъ отъ пуншу и котораго болѣе уже

не осталось; но учтивство принудило меня потчивать ея соседку, которая къ досадѣ моей такъ была не догадлива, что оное принимала, дѣлая мнѣ чрезъ то только убытокъ.

Въ третїемъ контръ-танцѣ досталось намъ быть во второй парѣ. Когда мы рядъ протанцовали и я, Богъ знаетъ съ какимъ восторгомъ взиралъ на ея глаза и руки и видѣлъ чистѣйшее на оныхъ удовольствїе, то дошли мы до одной женьщины, коей приятной видъ, хотя уже и не въ молодыхъ лѣтахъ, привлекъ мое вниманїе. Она улыбаясь смотрѣла на Шарлоту, и погрозивъ ей перстомъ съ примѣчанїемъ повторяла мимоходомъ имя Алберта.

Кто таковъ Албертъ, смѣю спросить, сказалъ я Шарлотѣ? Она хотѣла мнѣ отвѣчать, но мы принуждены были разойтись для дѣ-

ланія большаго круга; и я встрѣтясь по томъ съ нею, примѣтилъ въ ней задумчивость. Мнѣ не для чего отъ васъ скрывать, сказала она, подавая мнѣ руку для променаду: Албертъ есть человѣкъ достойной, за котораго я сговорена Сіе для меня не было новымъ, будучи предувѣдомленъ о томъ госпожами, съ которыми за нею заѣзжалъ; но тогда я еще ее не видалъ и не зналъ ея цѣны. Тутъ казалось мнѣ что въ первый разъ слышу; я былъ смущенъ, забылъ себя, смѣшался въ парѣ, смѣшалъ на конецъ и всѣхъ, и Шарлота на силу опять привела всѣхъ въ порядокъ своимъ проворствомъ.

Танцы еще не кончились, какъ между тѣмъ молнія, которая давно уже сверкала, но я увѣрялъ всѣхъ, что то была зарница, казалась больше усиливаться, и громъ гремѣлъ столь жестоко, что заглушалъ даже музыку. Тогда три дамы ушли изъ контръ-танца, ка-

валеры ихъ имъ послѣдовали, и такъ всѣ смѣшались и музыка играть перестала. Когда нечаянная печаль или страхъ посреди удовольствія насъ постигаютъ, тогда дѣйствіе ихъ гораздо сильнѣе насъ поражаетъ, отъ того ли что таковое противное одно другому чувство больше насъ трогаетъ, или что душа наша такъ на тотъ часъ расположена, что всякое впечатлѣніе скорѣе и сильнѣе въ ней дѣйствуетъ. Симъ то причинамъ надлежитъ приписать бывшее тогда между дамами смятеніе. Разумнѣйшая изъ нихъ сѣла въ углу, тыломъ къ окошкамъ, затыкая уши; другая пала предъ нею на колѣни, и закрывала себѣ голову ея платьемъ; третія крылась между ими, и обнимая малолѣтную сестру свою обливалась слезами. Однѣ хотѣли ѣхать домой, другія еще больше испуганныя, позабыли даже и о томъ, что бы отвратить дерзновеніе мо-

лодыхъ людей, которые непрерывнымъ лобзанїемъ утоляли вздохи, возсылаемые ими къ небу, на дражайшимъ ихъ устахъ. Мущины же нѣкоторые сошли въ низъ и курили спокойно трубки, а прочїе гости охотно слѣдовали за хозяйкою, которая указала намъ комнату, крѣпко запертую ставнями. Какъ скоро мы въ оную вошли, Шарлота спѣшила посадить насъ въ кружокъ, и завести какую нибудь игру.

Я примѣтилъ тогда, что многїя изъ красавицъ, въ надеждѣ приятнаго слѣдствїя отъ фантовъ оправлялись. Станемъ играть въ щетъ, сказала Шарлота; теперь берегитесь. Я пойду кругомъ съ правой стороны на лѣвую; каждый изъ васъ сказывать долженъ слѣдующее по порядку число, какъ можно скорѣе, а кто запнется или сдѣлаетъ ошибку, тотъ получитъ пощечину. Какъ

ето было забавно! Она бѣгала кругомъ съ приготовленною рукою; первый сказалъ одинъ, другой два, третїй три и такъ далѣе; она часъ отъ часу бѣгала скорѣе. Тогда одинъ ошибся, досталъ пощечину, другой на ту пору усмѣхнулся, досталъ другую. Пощечины какъ молнїи летали. Мнѣ причлось оныхъ двѣ; и при томъ къ удовольствїю моему крѣпче, нежели какими она другихъ одѣляла. Смѣхъ и шумъ прервали игру, прежде нежели дошли до тысячи. Гроза миновалась, начали собираться опять кучками. Шарлота пошла въ залъ, и я туда же слѣдовалъ за нею. Идучи говорила она мнѣ, пощечины мои и страхъ весь истребили! Я признаюсь, продолжала она, что была всѣхъ робчѣе, но представляясь смѣлою для ободренїя другихъ, самымъ дѣломъ сдѣлалась таковою. Мы подошедъ къ окну, услышали въ отдаленности громъ; дождь орошалъ поля,

и благорастворенный воздухЪ питалЪ насЪ пріятнѣйшимЪ своимЪ благоуханіемЪ. Шарлота опершись на руку простерла взорЪ свой вЪ оную сторону, по томЪ возвела оный на небо и на меня, и положа свою руку на мою жалостно сказала: станемЪ играть вЪ Короли! Я утопалЪ вЪ радости, произведенной ею во мнѣ симЪ вожделѣннымЪ предвѣщаніемЪ, и не могши скрыть сильнѣйшихЪ во мнѣ движеній, схватилЪ ея руку, обливался слезами и оную лобзалЪ. По томЪ взглянувЪ опять на ея глаза вскричалЪ: О божественный Король! по что не зришь ты вЪ сіе мгновеніе своихЪ похвалЪ, по что имя твое толь часто отЪ другихЪ злословимое, не всегда изходитЪ изЪ устЪ возлюбленной Шарлоты!

ПИСЬМО XI. Іюня 19.

Я ни какЪ не помню, на которомЪ мѣстѣ своего повѣствованія

остановился; знаю только, что тогда я легъ въ два часа по полуночи, и что еслибъ вмѣсто переписки, расказывалъ тебѣ все оное изустно, то продержалъ бы тебя до разсвѣту.

Я еще не досказалъ тебѣ, что послѣ балу произходило, да и теперь время не дозволяетъ.

Тогда солнце взошло на горизонтъ, въ поляхъ царствовала прохлада, лѣса орошались росою, собесѣдницы наши дремали въ каретѣ. Шарлота спросила меня, не хочу ли и я слѣдовать ихъ примѣру, примолвя, что она меня въ томъ извинитъ? На что я ей отвѣчалъ, что сколь долго ея глаза будутъ отверзсты, столь долго не сомкнутся и мои. И такъ мы доѣхали до ея двора. Служанка отперла намъ тихонько вороты, и увѣдомила свою госпожу, что въ домѣ все благополучно и всѣ

спятЪ еще спокойно. Я оставилЪ ее, обѣщавЪ вЪ тотЪ же день ее посѣтить, что и исполнилЪ; и сЪ того времени, какЪ бы солнце, луна и звѣзды ни обращались, я не знаю ни дня ни ночи, и вся вселенная для меня ничто.

ПИСЬМО XII. Iюня 21.

Я веду жизнь толь благополучную, каковую БогЪ обѣщаетЪ избраннымЪ своимЪ, и какая бы мнѣ ни предуготовлялась судьба, но не могу сказать, что ни когда не наслаждался чистѣйшимЪ вЪ свѣтѣ удовольствіемЪ. Ты знаешь мой ВалгеимЪ. Теперь уже я тамЪ со всемЪ поселился; тамЪ нахожусь я вЪ одной только полумилѣ отЪ Шарлоты; тамЪ прямо живу для себя, и наслаждаюсь блаженствомЪ, каковое только смертному сродно.

Когда избралЪ я ВалгеимЪ цѣлію моего отдохновенія, вообра-

жалъ ли, что сїе мѣсто столь смѣжно съ небеснымъ жилищемъ! Сколь часто въ дальныхъ моихъ странствованїяхъ взиралъ я на сей охотничей дворъ, заключающїй нынѣ всѣ мои желанїя, иногда съ горы, иногда съ долины по ту сторону рѣки?

Любезный другъ, я многократно размышлялъ о ревенїи людей, старающихся распространить свое знанїе новыми открытїями, и о внутреннемъ ихъ побужденїи, заставляющемъ ихъ не выходить изъ своихъ тѣсныхъ предѣловъ, покоряться законамъ и обычаямъ и ни мало не безпокоиться о томъ, что около ихъ произходитъ.

Ты повѣрить не можешь, какъ вся окружность меня привлекала, когда я въ первый разъ туда пришелъ и обозрѣлъ съ холма сїю прекрасную долину. Тамъ роща! Ахъ! сколь приятное отдохновенїе

подЪ ея тѣнью! ТамЪ горный хребетЪ! АхЪ еслибЪ ты возрѣлЪ сЪ онаго на отдаленныя мѣста! ТамЪ кряжи холмовЪ и прелестные луга О еслибЪ я вЪ нихЪ заблудился! — Но я туда спѣшилЪ, возвращался и желаемаго не находилЪ. Отдаленность можно уподобить пребудущему; непроницаемая мрачность обЪемлетЪ наши души, чувствованіе наше вЪ оной затмѣвается, подобно какЪ отдаленные отЪ глазЪ предмѣты, и мы жертвуемЪ иногда жизнію и своимЪ бытіемЪ, дабы только насладиться единымЪ владычественнымЪ желаніемЪ; достигнувЪ же сей цѣли, находимЪ себя опять по прежнему бѣдными и ограниченными, и желанія наши опять возобновляются.

Подобно сему безпокойной путникЪ возвращается на конецЪ вЪ свое отечество, и вЪ хижинѣ своей вЪ обЪятіяхЪ супруги и дѣтей, и по среди трудовЪ нужнѣйшихЪ

къ доставленїю имъ пропитанїя, находитъ то блаженство, котораго тщетно искалъ въ пространной пустотѣ мїра.

Когда при восхожденїи солнца пойду я въ Валгеймъ, нащиплю самъ въ хозяйкиномъ саду сахарныхъ стручьевъ, и сидя тамъ оные лущу и читаю Омира; когда по томъ пойду въ кухню и стану варить себѣ похлебку; то весьма живо представляю себѣ славныхъ Пенелопиныхъ обожателей, которые сами били, жарили и дѣлили между собою свиней и воловъ. Но ничто не плѣняетъ меня такъ чувствительно, какъ образъ жизни древнихъ нашихъ Патрїарховъ, коей я теперь, благодаря Всевышняго, могу уподобить свою.

Сколь щастливъ я тѣмъ, что сердце мое можетъ понимать и чувствовать невинное блаженство того смертнаго, которой имѣетъ

у себя на столѣ качанъ имъ самимъ взрощенный, и не только пользуется своимъ овощемъ, но и утѣшается воспоминанїемъ того прекраснаго утра, въ которое онъ его садилъ, тѣхъ приятныхъ вечеровъ, въ которыя его поливалъ, тѣхъ удовольствїй, съ которыми видѣлъ онъ его восходящаго и на конецъ со всемъ созрѣвшаго!

ПИСЬМО XIII. Iюня 29.

Третїяго дня городской Докторъ пришедъ посѣтить управителя, засталъ меня у него на полу, играющаго съ его дѣтьми, изъ коихъ иные карабкались на меня, другїе валялись и производили ужасный шумъ. Сей человѣкъ, которой былъ весьма важенъ и пышенъ, и разговаривая оправлялъ у себя манжеты и выдергивалъ воротникъ до самаго подбородка, почелъ таковое обхожденїе со всемъ мнѣ не приличнымъ, что я примѣтилъ

по его лицу. Сїе меня ни мало не обезпокоило, и между тѣмъ какъ онъ разглагольствовалъ, продолжалъ я опять строить картошныя башенки, которыя дѣти разорили.

Докторъ возвратился по томъ въ городъ и разглашалъ вездѣ, что дѣти управительскїе довольно уже и такъ избалованы, но Вертеръ еще болѣе ихъ портитъ.

Правда, любезный другъ, дѣти всего ближе къ моему сердцу. Когда я ихъ разсматриваю и примѣчаю въ нихъ молодыя отрасли добродѣтелей и качествъ, которыя имъ въ грядущїя времена столь потребны; когда изъ упрямства ихъ предузнаю мужество и твердость нрава; когда изъ резвости предусматриваю вѣтренность и веселое сложенїе; презирающее всѣ бѣдствїя и опасности, могущїя случиться въ теченїи жизни, тогда воспоминаю я божественныя слова нашего

Законодателя: аще не обратитеся, и будете яко дѣти. Но чтожъ, другъ мой, сіи дѣти, ближніе наши и долженствующіе служить намъ образцомъ отъ насъ порабощаются! Мы не даемъ имъ воли! — Но сами развѣ оной не имѣемъ? — По чемужъ мы присвоили себѣ сіе изключительное право? — Потому что мы ихъ старѣе и просвѣщеннѣе? — О Боже милосердый! Ты зришь съ высоты славы своея на малые и большіе младенцы, и сынъ твой давно уже назначилъ избранныхъ твоихъ. Они исповѣдаютъ тебя, но заповѣдей твоихъ не исполняютъ, и раждая дѣтей по образу своему, хотятъ . . . — Прости, любезной другъ, я не хочу больше о семъ разпространяться.

ПИСЬМО XIV. Іюля 1.

Какимъ утѣшеніемъ Шарлота можетъ быть для больнаго, я ето знаю, по своему сердцу, крайне из-

немогающему. Она пробудетъ нѣсколько времени въ городѣ, у одной достойной госпожи, которая, по свидѣтельству Докторовъ, лежитъ уже при смерти, и по тому желаетъ при сихъ послѣднихъ часахъ имѣть возлѣ себя Шарлоту. На прошлой недѣлѣ ѣздилъ я съ нею посѣтить Пастора С... живущаго въ горахъ за милю отсюду. Мы прибыли туда въ четыре часа. Шарлота взяла съ собою меньшую свою сестру. Когда вошли мы на дворъ, украшенный тѣнью двухъ прекрасныхъ орѣховыхъ деревъ, то нашли старика, сидящаго на лавочкѣ у воротъ. Видъ Шарлоты, казалось, его оживилъ; онъ забылъ свою палку, и бросился къ ней на встрѣчу. Она побѣжала къ нему, принудила его сѣсть и сама сѣла возлѣ него, кланялась ему отъ батюшки и приласкала меньшаго его сына, которой былъ утѣшенïемъ его старости, хотя и нечистоплотенъ и весьма противенъ. Желалъ бы я, что бы ты видѣлъ ла-

ски и вниманїе, оказываемыя тогда ею сему почтенному старику, и слышалъ бы', какъ возвышала она голосъ, по тому что онъ нѣсколько глухъ, какъ разсказывала о многихъ молодыхъ и здоровыхъ людяхъ, нечаянно умершихъ, какъ выхваляла пользу Карлсъ — Бадскихъ водъ, и намѣренїе его ѣхать къ онымъ на будущее лѣто, поздравляя его при томъ, что цвѣтъ въ лицѣ его былъ гораздо лучше, нежели каковый видѣла она на немъ въ послѣднїй разъ.

Между тѣмъ ознакомивался я съ его супругою. Старикъ сталъ гораздо живѣе; и какъ я не могъ удержаться, чтобы не похвалить красоты орѣховыхъ деревъ, осѣнявшихъ насъ столь прїятною тѣнью, то онъ началъ, хотя и съ трудомъ, разсказывать о ихъ произхожденїи. Большое, говорилъ онъ, кѣмъ и когда посажено, не извѣстно: одинъ сказываетъ на того, другой на другаго Пастора.

Но меньшое, которое растетъ позади, однолѣтно съ моею женою, и ему минетъ пятьдесятъ лѣтъ въ Октябрѣ. Отецъ ея посадилъ его по утру, а она родилась въ вечеру того же дня. Тесть мой былъ здѣсь моимъ предмѣстникомъ, и я не могу довольно изъяснить вамъ привязанности его къ сему дереву; будучи самъ не менше къ нему привязанъ; подъ нимъ то, лѣтъ двадцать семь на задъ, жена моя сидя на бревнѣ вязала чулокъ, какъ я въ первой разъ, будучи еще бѣднымъ студентомъ, вошелъ къ нимъ на дворъ. Шарлота спросила его о дочери. Онъ отвѣчалъ, что она пошла съ господиномъ Шмитомъ на сѣнокосъ, по томъ продолжалъ свою повѣсть, разсказывая намъ, какъ полюбился онъ своему тестю и его дочери, какъ сдѣлался при немъ викаріемъ, а по томъ его наслѣдникомъ. Лишь кончилъ онъ свою рѣчь, какъ дочь его съ господиномъ Шмитомъ пришла

къ намъ черезъ садъ; она бросилась къ Шарлотѣ и ее разцѣловала. Я признаюсь, что дѣвица сія показалась мнѣ не противною: она черноволоса, стройна и жива, и можетъ осчастливить своимъ замужествомъ честнаго сельскаго домостроителя. Женихъ ея, каковымъ господинъ Шмитъ тотъ часъ себя представлялъ, молодецъ изрядной, но только весьма тихъ, и не хотѣлъ мѣшаться въ наши разговоры, сколь ни старалась Шарлота ввести его въ оные, и сіе мнѣ тѣмъ больше не показалось, когда я примѣтилъ по его лицу, что оное происходило не отъ недостатка ума или знанія, но отъ своенравія и угрюмости, что на конецъ и открылось. Ибо когда пошли мы прогуливаться и я началъ шутить съ Фридерикою, (такъ называется Пасторская дочь) то лице сего господина, которое и отъ природы не очень бѣло, такъ тогда нахмурилось, что Шарлота

принуждена была дернуть меня за полу, чтобы я отъ нее отсталъ. Теперь ни что въ свѣтѣ больше меня не трогаетъ, какъ взаимное людей мученіе, особливо тѣхъ, кои въ цвѣтущихъ своихъ лѣтахъ, опредѣленныхъ для веселости, провождаютъ сіе толь краткое время въ ссорахъ и безпокойствахъ, и тогда только узнаютъ свое заблужденіе, когда оное уже не возвратно. Сіе мнѣ было такъ чувствительно, что я не упустилъ случая поносить угрюмость, когда возвратились мы назадъ, и полдничая хлѣбъ съ молокомъ разговаривали о удовольствіяхъ и горестяхъ мірскихъ. Мы, говорилъ я, часто жалуемся на нещастіе, но жалобы наши, кажется мнѣ, весьма напрасны. Еслибъ сердца наши всегда были отверзсты ко вкушенію блага, ниспосылаемаго намъ ежедневно небомъ, мы бы довольно имѣли силъ къ перенесенію случающихся намъ бѣдствій — Однако мы не властны,

прервала Пасторша, надъ своимъ расположенїемъ, по тому что оное много зависитъ отъ расположенїй тѣлесныхъ, и когда мы не здоровы, то и все не здорово — Ето правда, продолжалъ я, но положимъ, что таковое разположенїе есть родъ болѣзни, такъ развѣ нѣтъ на нее лѣкарства? — Вы говорите справедливо, продолжала Шарлота, что ето въ нашей волѣ состоитъ, по крайней мѣрѣ я испытала сама надъ собою, что если мнѣ грусно или что нибудь досадно, то бѣгу въ садъ и пою пѣсни или контрътанцы, и тѣмъ всю свою скуку разбиваю — Сїе самое хотѣлъ было и я сказать, примолвилъ я; ибо угрюмость можно уподобить лѣности, которая весьма сродна человѣку; но ежели мы преодолѣемъ себя хотя однажды, то на конецъ дѣлаемся досужими, и въ прилѣжности и трудолюбїи находимъ истинное удовольствїе. Фридерика слушала со вниманїемъ мои слова;

а женихъ ея дѣлалъ возраженія, что когда мы сами собою владѣть не можемъ, то кольми паче своими чувствами. У насъ рѣчь идетъ, сказалъ я, о такомъ чувствѣ, которое предосудительно, и отъ котораго всякъ бы желалъ, охотно избавиться; но никто не знаетъ сколь далеко простираются его силы. Больной проситъ совѣта у Докторовъ, и соглашается на строжайшее воздержаніе и на лѣкарства самыя противныя, только бы поправить свое здоровье. Я примѣтилъ, что почтенный старикъ подставя ухо, слушалъ нашъ разговоръ. И для того я возвыся голосъ, обратилъ къ нему свою рѣчь; весьма много проповѣдуютъ о всѣхъ грѣхахъ, сказалъ я, но я еще не слыхалъ, что бы кто говорилъ противу угрюмости — Сіе слѣдуетъ дѣлать городскимъ проповѣдникамъ, отвѣчалъ онъ, а крестьяне угрюмости со всѣмъ не знаютъ; однако не худо бы было иногда ска-

зать о семъ поученїе и здѣсь, особливо для моей жены, и господина управителя. Тогда мы всѣ захохотали, и онъ самъ смѣялся съ нами такъ сильно, что кашель его захватилъ, и тѣмъ прервалъ на нѣкоторое время нашъ разговоръ. По томъ молодой женихъ продолжалъ рѣчь: вы назвали угрюмость грѣхомъ, мнѣ кажется, что вы уже съ лишкомъ ее увеличили — Не льзя сказать, чтобы съ лишкомъ, отвѣчалъ я, когда симъ именемъ называютъ все, что вредитъ намъ и ближнимъ нашимъ. Мы же не только чрезъ оную другъ друга ощастливить не можемъ, но и взаимно лишаемъ себя того удовольствїя, которымъ наши сердца иногда сами собою наслаждаются. Представьте мнѣ хотя одного угрюмаго человѣка, которой бы такъ былъ снисходителенъ, чтобы скрывалъ отъ другихъ оный порокъ, и носилъ бы на себѣ одномъ всю его тягость, не

дѣлая въ забавахъ помѣхи окружающимъ его? И такъ не лутче ли сказать, что угрюмость единственно произходитъ отъ уничиженія самихъ себя и негодованія, сопряженнаго съ завистію, которую всегда раждаетъ глупое высокомѣріе. Мы взираемъ на благополучныхъ людей, коихъ благополучными сдѣлали не мы, и сіе намъ противно? — Шарлота улыбалась видя съ какимъ я жаромъ говорилъ, а слезы, коими были наполнены глаза Фридерики, заставили меня продолжать далѣе. Нещастный, сказалъ я, тотъ, который и собственную власть надъ своимъ сердцемъ употребляетъ только для лишенія невинныхъ его забавъ, произходящихъ отъ его самаго! Ибо ни какіе дары, ни какія ласки и снизхожденія въ свѣтѣ не въ состояніи замѣнить единаго мгновенія того въ насъ самихъ удовольствія, котораго лишаетъ насъ сей мучительной порокъ.

Сердце мое тогда исполнилось тоскою; душа смущалась напоминовенїемъ прошедшаго; глаза орошались слезами.

Желательно, вскричалъ я, что бы всякъ ежедневно самъ себѣ говорилъ: ты большаго удовольствїя друзьямъ своимъ сдѣлать не можешь, какъ не нарушать ихъ собственнаго и умножать благополучїе, которое съ нами раздѣляешь. И когда душа ихъ терзается или жестокою страстїю или горестїю несносною, можешь ли ты хотя мало облегчить страданїе ихъ.

А когда на конецъ смертная болѣзнь поразитъ нещастнаго, коему рука твоя безвременно приуготовила могилу, когда лежитъ онъ при послѣднемъ издыханїи, устремивъ быстрый взоръ на небо, и смертная блѣдность покроетъ его чело; тогда предстоишь ты предъ нимъ какъ осужденной преступникъ, познаешь, но уже поздно, вину свою, чувствуешь свою невоз-

можность помочь ему, и съ досадою взираешь, что все твое стяжанïе, всѣ твои ревенïя не могутъ возвратить крѣпости, ни дать какой нибудь отрады злощастной твоей жертвѣ.

Сïи послѣднïя слова привели мнѣ на память видѣнное мною самимъ подобное зрѣлище. Я закрылъ глаза плашкомъ, всталъ и оставилъ бесѣду. Однако голосъ Шарлоты, которая звала меня домой, привелъ меня опять въ чувство. Какъ она идучи выговаривала мнѣ, что я такъ горячо принимаю во всемъ участïе, и чрезъ то теряю свое здоровье! Ахъ ангелъ мой! я стану беречься! стану жить для тебя!

ПИСЬМО XV. Iюня 6.

Она все еще возлѣ умирающей своей приятельницы, все таже любезнѣйшая и достойнѣйшая изъ прекраснаго пола, которая утоляетъ болѣзнь и дѣлаетъ щаст-

ливыми. Вчерашній вечеръ прогуливалась она съ меншими своими сестрами Маріаною и Малгеною. Я о семъ свѣдавъ, пошелъ ее встрѣчать, и мы прохаживались вмѣстѣ. На возвратномъ пути въ городъ остановились мы у любезнаго моего источника, а теперь сто кратъ еще любезнѣйшаго, съ тѣхъ поръ какъ Шарлота отдыхала на его обрубѣ. Я взглянулъ на себя и вспомнилъ то время, когда сердце мое было тутъ уединенно. Возлюбленный источникъ, говорилъ я самъ себѣ, съ того мгновенія не наслаждался я уже твоею прохладою, и проходя мимо тебя часто ниже взиралъ на твои приятства. Я посмотрѣлъ въ низъ и увидѣлъ, что Малгена, почерпнувъ стаканъ воды, пошла въ верьхъ по лѣсницѣ. По томъ взглянувъ на Шарлоту, чувствовалъ все, что я имѣлъ въ ней. Между тѣмъ проходитъ Малгена со стаканомъ; Маріана отнимаетъ у нее оный.

Пусти! вопїетЪ сЪ нѣжностїю сїе дитя! Шарлота на, напейся ты прежде! Сїи искренныя слова такЪ меня возхитили, что я не могЪ инако изЪяснить своей чувствительности сей возлюбленной дѣвочкѣ, какЪ взявЪ ее на руки, лобызалЪ со всею моею горячностїю, отЪ чего она начала плакать и кричать. Вы ее обидили, сказала Шарлота. Сїе меня поразило. Поди ко мнѣ Малгенушка, продолжала она, взявЪ ее за руку, и сводя ее вЪ низЪ по ступенямЪ кЪ источнику, умойся, душенька, свѣжею водицею, умойся все пройдетЪ. Когда я стоя тамЪ смотрѣлЪ, сЪ какимЪ прилѣжанїемЪ сїе дитя, мокрыми своими ручонками, вытирало свои щеки, вЪ такихЪ при томЪ мысляхЪ, что чрезЪ нѣкоторое чудесное дѣйствїе источника, обмоетЪ всю свою нечистоту и досаду; когда Шарлота приказывала ему перестать, а оно еще все плеска-

лось водою, какъ будто продолжительное умыванїе дѣйствительнѣе скораго; другъ мой, признаюсь тебѣ, никогда не былъ я исполненъ такимъ благоговѣнїемъ, и узрѣвъ предъ собою Шарлоту, хотѣлъ повергнуться предъ нею, какъ предъ нѣкоторымъ божеством.

Въ вечеру я на силу разсказать могъ отъ радости сердца сїе происшествїе ихъ отцу, къ которому имѣлъ искреннѣйшую довѣренность. Но онъ на то сказалъ, что Шарлота весьма погрѣшила, что вымыла дитя, по тому что сїе подаетъ поводъ ко многимъ заблужденїямъ и суевѣрїю, отъ коихъ благовременно дѣтей отучать должно. Тогда вспомнилъ я, что онъ за восемь дней предъ тѣмъ крестилъ сего ребенка, и для того ни слова ему не отвѣчалъ, но внутренно думалъ, что мы поступать должны съ дѣтьми,

какъ Богъ поступаетъ съ нами, который дѣлаетъ насъ тогда благополучнѣйшими, когда омываетъ насъ въ купели своего милосердія.

ПИСЬМО XVI. Іюля 8.

Можно ли такъ робячиться? Можно ли такъ жадничать о мгновеніи? Можно ли, повторяю я, такъ робячиться? Мы ходили въ Валгеймъ; да мы пріѣхали туда въ каретѣ, и мы всѣ прохаживались вмѣстѣ. Во время гулянья, казалось мнѣ, что черные Шарлотины глаза — Но, нѣтъ, я обманывался — Словомъ скажу тебѣ, ибо мнѣ смертельно спать хочется: Да мы сѣли опять въ карету: мы стали на подножкахъ молодый В . . . . , Селстадтъ, Одранъ и я начали разговаривать: молодежь рѣзвились и шутили. Я искалъ Шарлотиныхъ глазъ! но ахъ оные на всѣ стороны взирали! а на меня! на меня! которой одинъ

только весь былъ на нее устремленъ, со всемъ не обращились! Сердце мое тысячу разъ съ нею прощалось! А она на меня и не взглянула! Карета проѣхала мимо, слезы полились у меня изъ очей. Я посмотрѣлъ еще за нею и увидѣлъ, что она выглядывала изъ окна. Увы! меня ли она искала? — Не знаю; и безъизвѣстность сія дѣлаетъ мнѣ отраду. Можетъ быть, что она выглядывала для меня! Можетъ быть — О возлюбленная ночь! — Ахъ какъ я робячусь!

ПИСМО XVII. Іюля 10.

Посмотрѣлъ бы ты, какое глупое у меня лицо, если гдѣ въ обществѣ объ ней упоминаютъ, особливожъ когда еще спрашиваютъ, нравится ли она мнѣ? — Нравится ли! Какъ ето меня поражаетъ! что бы ето была за тварь, которой бы Шарлота только нравилась, а не плѣняла ея сердца, разума и

чувствъ? Нравится ли! Не давно спросили меня, каковъ мнѣ кажется Оссїанъ?

ПИСЬМО XVIII. Іюля 13.

Госпожа М . . . весьма больна; я молю о ея здравїи, по тому что и я отъ того съ Шарлотою страдаю. Теперь рѣдко вижусь я съ нею у моей приятельницы; но сего дня разсказала она мнѣ странное приключенїе. Старикъ М . . . превеликой скупяга и драчунъ, и всегда къ женѣ своей дѣлалъ разныя привязки. Однако она всегда умѣла отъ него отгрызаться. На сихъ дняхъ, когда Докторъ приговорилъ ее къ смерти, призвала она къ себѣ своего мужа и въ присутствїи Шарлоты, говорила ему: я тебѣ должна признаться въ томъ, что по смерти моей можетъ причинить тебѣ не мало безпокойства и досады. Я по сїе время сама смотрѣла за хозяйствомъ столь порядоч-

но и прилѣжно, сколько могла; однако прости меня въ томъ, что я чрезъ всѣ тритцать лѣтъ житія моего съ тобою, тебя обманывала. Ты опредѣлилъ съ начала нашей женидьбы весьма малые расходы для стола и другихъ домашнихъ нуждъ. Но когда хозяйство наше умножилось и надобности наши увеличились, я не могла тебя склонить, чтобы ты умножилъ также соразмѣрно и выдачу понедѣльныхъ денегъ; словомъ: ты самъ знаешь, что въ наибольшей нашей нуждѣ ты требовалъ, чтобы на цѣлую недѣлю не больше семи гульденовъ у тебя выходило. Я ихъ безъ прекословія принимала, и что сверхъ оныхъ издерживала, то платила, изъ лотареи такъ что ниже кто подумать могъ, чтобы жена у мужа своего крала деньги. Я ничего не расточала, и съ радостію бы отошла, безъ всякаго въ томъ покаянія къ вѣчности, если бы точно была у-

вѣрена, что та, которая займетъ послѣ меня мѣсто, будетъ знать какъ себѣ пособить, а ты не упрекалъ бы ей всегда, что первая твоя жена была тѣмъ довольна.

Я разговаривалъ съ Шарлотою о непонятномъ ослѣпленіи человѣческаго ума, что если въ комъ нѣтъ зависти, въ томъ кроется какой нибудь другой порокъ, когда одинъ за семь гульденовъ хочетъ имѣть то, на что можетъ быть вдвое столько потребно. Но я знаю людей, у коихъ въ домѣ безъ всякихъ чудесъ, вѣчно не изчерпается одинъ и тотъ же сосудъ съ масломъ.

ПИСЬМО XIX. Іюля 13.

Нѣтъ, я не ошибаюсь! Вижу въ черныхъ ея очахъ истинное во мнѣ соучастіе и въ моей судьбинѣ. Чувствую и вѣрю моему сердцу, что она — дерзну ли я? Могу ли

произнести сіи священныи слова?— что она меня любитъ!

Она меня любитъ! Ахъ какъ сія мысль превозноситъ меня предъ самимъ собою! Какъ я — тебѣ можно сказать, ты рожденъ съ чувствами — какъ я себя обожаю съ тѣхъ поръ, какъ узналъ, что она меня любитъ!

Высокомѣріе ли ето, или истинное чувство? Я не знаю кто бы изъ смертныхъ хотя мало могъ быть мнѣ совмѣстникомъ въ Шарлотиномъ сердцѣ. Однако — когда говоритъ она съ нѣжнымъ жаромъ о своемъ женихѣ, тогда я изумленъ бываю какъ гордый властелинъ, коего лишаютъ чести и шпаги.

ПИСЬМО XX. Іюля 16.

Какъ трепещетъ мое сердце, какъ волнуется и кипитъ кровь въ моихъ жилахъ, когда нечаянно перстъ мой коснется къ ея персту, или ноги наши подъ столомъ столкнутся! Я тотъ часъ ихъ отдергиваю, какъ будто бы отъ ог-

ня, но тайная сила влечетъ меня опять къ ней и смущаетъ всѣ мои чувства. Но невинное и свободное ея сердце не внемлетъ сколь мучатъ и терзаютъ меня сіи малые знаки довѣренности и дружбы. Когда кладетъ она свою руку на мою, когда въ какомъ нибудь спорѣ подходитъ ко мнѣ и божественное ея дыханіе касается до устъ моихъ — тогда я какъ молніею пораженъ. Ахъ, священная довѣренность! еслибъ я когда нибудь дерзнулъ — Ты меня разумѣешь, другъ мой — Нѣтъ, нѣтъ, сердце мое не такъ еще повреждено! Правда, оно слабо! довольно слабо! А сіе развѣ не есть поврежденіе?

Она мнѣ кажется божествомъ. Присутствіе ея раждаетъ всѣ мои желанія. Сидя съ нею чувствую только однѣ душевныя свойства. У нее есть любимая арія, которую играетъ она на клавирахъ съ восторгомъ, свойственнымъ одному ангелу. Она проста, но трогаю-

ща и величественна, и всѣ мои печали, смущенія и безпокойства утоляетъ, какъ скоро ее услышу.

Теперь вѣрю я всему, что разсказываютъ о древней волшебной музыкѣ, когда меня простая пѣснь толь восхищаетъ. Въ то мгновеніе, когда я самъ себя охотнобъ застрѣлилъ, лишь только она заиграетъ, мрачность и заблужденіе души моей исчезаютъ, и дыханіе во мнѣ опять возобновляется.

ПИСЬМО XXI. Іюля 18.

Любезный другъ, что свѣтъ для насъ безъ любви! Какъ волшебный фонарь безъ огня. Когда поставишь въ него огню, то и всѣ тѣни увидишь на бѣлой стѣнѣ. Если и любовь на подобіе волшебнаго фонаря представляетъ намъ однѣ только исчезающія тѣни, по крайней мѣрѣ щастливы мы тѣмъ, что какъ дѣти утѣшаемся сими блистательными мечтаніями. Сего дня я не

увижусь съ Шарлотою; бесѣда, коей избѣжать не могъ, мнѣ въ томъ препятствовала. Но чтожъ я сдѣлалъ? Я послалъ къ ней мальчика, дабы только имѣть въ глазахъ человѣка, которой бы ее сего дня видѣлъ. Съ какоюжъ нетерпѣливостїю ожидалъ я его возвращенїя! Съ какимъ опять удовольствїемъ увидѣлъ его на задъ пришедшаго! Безъ сомнѣнїя расцѣловалъ бы его, если бы стыдъ не удерживалъ.

Болонскїй камень, положенный противу солнца вбираетъ въ себя солнечные лучи, оные хранитъ и освѣщаетъ въ темнотѣ нѣкоторое время. Такимъ казался мнѣ оной мальчикъ. Воображая, что Шарлота взирала на всѣ черты его лица, на его пуговицы, воротникъ и сюртукъ почиталъ его столь милымъ, столь драгоцѣннымъ, что не отдалъ бы его ни за какїя деньги. Столь я имъ плѣнялся! — Другъ мой, Бога ради, не смѣйся надъ

етимЪ. Развѣ ето мечта, что дѣлаетЪ насЪ благополучными?

ПИСЬМО XXIII. Іюля 19.

На другой день по утру, открывая окно, и взирая спокойнымЪ окомЪ на прекрасную зарю, вскричалЪ: я ее увижу! И по тому ничего больше не осталось мнѣ желать для нынѣшняго дня. ВЪ сей мысли всѣ воображенія заключаются.

ПИСЬМО XXIII. Іюля 20.

Я не могу еще согласиться на твое предложеніе, чтобы ѣхать мнѣ сЪ ПосланникомЪ вЪ . . . ПодчиненымЪ быть для меня несносно, а кЪ томужЪ извѣстно намЪ, что онЪ строгЪ и отмѣннаго поведенія. Матушка хочетЪ, по твоимЪ словамЪ, чтобы я былЪ досужЪ; я етому разсмѣялся, развѣ я мало упражненЪ? Хотя лущу горохЪ или бобы, но не все ли то же выходитЪ? ВЪ свѣтѣ все суета, и тотЪ кто трудится вЪ угожденіе

только другому, а не себѣ, и безпокоится о чинѣ или богатствѣ, по моему мнѣнїю, есть величайшїй глупецъ.

ПИСЬМО XXIV. Iюля 24.

Когда ты берешь такое въ томъ участїе, чтобы я не покидалъ своего художества, то съ сожалѣнїемъ, другъ мой, сказать тебѣ долженъ, что съ того времени весьма мало имъ занимаюсь.

Но никогда не былъ я такъ щастливъ, никогда не зналъ столь совершенно природы, никогда не видалъ ее столь величественною и перемѣнною, какъ теперь; однако со всемъ тѣмъ не знаю какъ изъясниться, силъ моихъ не достаетъ; все какъ воздухъ носится передо мною; я ничего изобразить не могу; но представляю себѣ; что я имѣлъ бы лучшїй успѣхъ въ отливной работѣ, если бы была у меня глина или воскъ. Таковый

опытъ сдѣлать не премину, ежели нынѣшнее мое положенїе продлжится.

Три раза начиналъ я рисовать портретъ Шарлотинъ, три раза самъ себя стыдился, тѣмъ больше, что прежде сего писалъ весьма сходно и удачно; по томъ снялъ я съ нее тѣневой портретъ, пусть буду хотя и тѣмъ довольствоваться.

ПИСЬМО XXV. Iюля 26.

Не однократно намѣрялся я видѣться съ нею рѣже. Ахъ когда бы сїе исполнить могъ! Но ежедневно покаряюсь стремленїю, влекущему меня къ ней. Въ вечеру идучи отъ нее, самъ себѣ говорю: завтрѣ ты къ ней не пойдешь; на завтрѣ опять у ней, не знавъ самъ какъ туда зашелъ; однакожъ не думай, чтобы у меня не было къ тому побудительнѣйшихъ причинъ. Иногда при прощаньѣ скажетъ она мнѣ: вить вы пожалуете къ намъ

завтрѣ — Льзя ли послѣ етого не притти? Иногда время покажется такъ приятно, что надобно прогуляться. Куда же? Въ Валгеймъ; а отъ Валгейма только на полмили, какъ же не зайти? Когда былъ я робенкомъ, бабушка моя расказывала мнѣ сказку о магнитной горѣ. Какъ скоро корабли къ ней приближались, то она силою своею вытягивала изъ нихъ желѣзные гвозди, отъ чего доски разсыпались, и бѣдные мореходцы погибали.

ПИСЬМО XXVI. Іюля 30.

Албертъ приѣхалъ; я пойду, и еслибъ онъ достойнѣйшимъ былъ изъ смертныхъ и во всемъ меня превосходилъ, то и тогда бы мнѣ не сносно было видѣть его обладателемъ толикихъ прелестей и совершенствъ; обладателемъ! Словомъ, другъ мой, женихъ тамъ. Онъ честный и добрый человѣкъ; котораго не льзя не любить. Щастїе мое, что не былъ я при пер-

вомъ ихъ свиданіи! Сіе надорвалобы мое сердце. Но онъ шакъ снисходишеленъ, чшо еще при мнѣ ни разу не поцѣловалъ Шарлошы. Да наградишъ его Богъ за сіе! Почтеніе оказываемое имъ сей любезнѣйшей дѣвицѣ заставляешъ меня его любишь. Онъ ко мнѣ ласковъ, и я думаю, чшо сіе больше происходишъ ошъ Шарлошиной нежели ошъ его чувсшвишельносши: ибо женскій полъ весьма въ шомъ проворенъ; да и не безъ причины. Но ежели онъ умѣешъ содержашь друзей своихъ въ согласіи, що онъ шолько одинъ въ шомъ и выигрываешъ, сколь ни рѣдко ему сіе дѣлашь удаешся.

Между шѣмъ я не могу не почишашь Алберша. Скромносшь его и равнодушіе весьма сшранно прошивуполагаешся моей пылкосши; но онъ довольно чувсшвишеленъ и знаешъ всю цѣну обладаемаго имъ сокровища. Однакожъ въ немъ примѣчаешся нѣкоторая угрюмосшь, а

ты знаешь, что сей порокЪ для меня всѣхЪ отвратительнѣе.

ОнЪ щитаетЪ меня разумнымЪ и знающимЪ человѣкомЪ; привязанность моя кЪ Шарлотѣ и усердное мое участїе во всѣхЪ ея поступкахЪ усугубляютЪ и его надЪ нею побѣду и горячность его кЪ ней. Я не вывѣдываю безпокоитЪ ли онЪ иногда ее тайно ревностїю или нѣтЪ, по крайней мѣрѣ я бы на его мѣстѣ не со всемЪ былЪ спокоенЪ.

КакЪ бы то ни было, миновалось удовольствїе, коимЪ наслаждался я возлѣ Шарлоты. КакЪ назвать сїе, глупостїю или ослѣпленїемЪ? — Но что нужды вЪ названїи? Дѣло само по себѣ значитЪ! — До прїезда Албертова я зналЪ все, что и теперь знаю, зналЪ, что я не могЪ имѣть никакого права надЪ нею, и никакого также и не требовалЪ — А теперь, безумный! удивляюсь, что другой приходитЪ и похищаетЪ ее у меня!

Я бѣшусь и самъ себя ругаю, но больше бы еще ругалъ того, которой бы подалъ мнѣ сей совѣтъ, чтобы я отъ нее отсталъ, и когда тому инако быть не можно — Избавь меня отъ сихъ несносныхъ людей! — Когда довольно набѣгаюсь по лѣсамъ, прииду къ Шарлотѣ, и застану ея въ садикѣ съ Албертомъ въ бесѣдкѣ, не знаю, что предприять, но бѣшусь или лучше сказать безумствую. Ради Бога, говорила мнѣ сего дня Шарлота, не заводи впредь вчерашнихъ шутокъ! Онѣ опасны, если не умѣренны. Между нами сказано, я присматриваю за Албертомъ и когда онъ отлучится, я спѣшу къ ней, и всегда доволенъ, заставъ ее одну.

ПИСЬМО XXVII. Августа 8.

Повѣрь, любезный другъ, когда писалъ я къ тебѣ, чтобы избавил и меня отъ тѣхъ несносныхъ людей,

которые бы мнѣ совѣтовали отъ нее отстать, ты ни мало не былъ включенъ въ ихъ число. Я никогда не воображалъ, чтобы ты былъ такогоже мнѣнiя. А когда такъ, то ты право судишь! Скажу тебѣ только, что человѣкъ рѣдко избираетъ *то* либо *другое*, и что между чувствомъ и дѣянiемъ стольkоже сходства, сколько между покляпымъ и курносымъ.

И такъ ты меня простишь, если я вмѣщу здѣсь всѣ твои разсужденiя и включу между оными свое мнѣнiе.

Ты спрашиваешь, надѣюсь ли я получить Шарлоту, или нѣтъ. Изрядно! Въ первомъ случаѣ говоришь мнѣ: ты долженъ спѣшить исполнить свое желанiе, но въ послѣднемъ: преодолѣй себя, и старайся истребить нещастное чувствованiе, снѣдающее всѣ твои силы. Любезной другъ, ето весьма хорошо сказано и безъ дальнѣйшихъ хлопотъ.

Но можешь ли ты требовать отъ больнаго, изнуренаго продолжительною болѣзнїю, чтобы онъ прекратилъ свое страданїе самопроизвольною смертїю? Болѣзнь истощевающая его силы, не истощеваетъ ли и его мужества, чтобы на сїе посягнуть?

Ты съ своей стороны можешь отвѣчать обратнымъ сравненїемъ. Кто бы не согласился охотнѣе позволить отсѣчь себѣ руку, нежели подвергать жизнь свою опасности, отметая сїе средство?—Не знаю— многїе люди можетъ быть и не согласятся — Но оставимъ сравненїя. Правда, другъ мой, иногда имѣю я такое мужество, что въ то бы мгновенїе уѣхалъ, если бы зналъ куда.

ПИСЬМО XXVIII. Августа 10.

Если бы я не былъ такъ безуменъ, могъ бы вести здѣсь благополучнѣйшую жизнь. Рѣдко можно сыскать столь приятное сте-

ченіе обстоятельствъ, споспѣшествующихъ благополучію одного смертнаго, каково есть то, въ коемъ я нахожусь. Увы теперь то я испыталъ, что щастіе наше отъ единаго только сердца зависитъ. Быть членомъ дражайшаго семейства, любиму отцомъ какъ сынъ, дѣтьми какъ отецъ, а Шарлотою — да и сей достойнѣйшій Албертъ, ненарушающій моего благополучія ни какимъ своенравіемъ, но всегда дружески меня объемлющій, есть первымъ предмѣтомъ по Шарлотѣ моей любви — Нѣтъ ничего пріятнѣе, другъ мой, какъ слушать насъ, когда прогуливаясь съ нимъ разговариваемъ о нашемъ божествѣ; нѣтъ опять смѣшнѣе нашей дружбы; но я часто такъ растрогиваюсь, что слезы у меня льются изъ очей.

Когда онъ разсказываетъ мнѣ о почтенной Шарлотиной родительницѣ, когда описываетъ послѣдніе ея часы и сіе жалостное состоя-

нїе какъ она вручала ей домъ и дѣтей, и какъ она съ той поры со всемъ перемѣнилась и сдѣлалась рачительною хозяйкою и нѣжною матерїю, стараяся всегда умножить оба сїи достоинства, но сохраняя при томъ всю свою живность и веселый нравъ. Когда онъ сїе мнѣ расказываетъ, я идучи возлѣ него, рву по дорогѣ цвѣточки, связываю ихъ осторожно въ пучки и — кидаю оные въ первый ручеекъ, а самъ смотрю, какъ они тихонько въ низъ плывутъ. Я не знаю, писалъ ли я къ тебѣ, что Албертъ здѣсь со всемъ останется и дворъ гдѣ онъ принятъ не худо, даетъ ему мѣсто съ нарочитымъ доходомъ. Толь исправнаго и въ дѣлахъ своихъ порядочнаго человѣка каковъ онъ, я мало находилъ.

ПИСЬМО XXIX. Августа 12.

Албертъ не оспоримо человѣкъ предоброй; вчера имѣлъ я съ нимъ странный разговоръ. Я прiѣхалъ

къ нему проститься, ибо вздумалось мнѣ выѣхать въ горы, откуда теперь къ тебѣ пишу, и прохаживаясь съ нимъ по комнатѣ, увидѣлъ его пистолеты. Я попросилъ у него оныхъ въ дорогу — Пожалуй, возьми, сказалъ онъ, съ тѣмъ только договоромъ, чтобы ты потрудился зарядить ихъ при мнѣ; они висятъ у меня только для виду — Я снялъ одинъ изъ нихъ, а онъ между тѣмъ продолжалъ: Съ того времени какъ предосторожность моя обратилась въ дурную шутку, я не принимаюсь ни за какое оружїе. Любопытство понудило меня знать, чтобы тому за причина. Я жилъ около четырехъ мѣсяцовъ, говорилъ онъ, въ деревнѣ у приятеля; пистолеты мои не были никогда заряжены, и я всегда спалъ спокойно. Однажды послѣ полудни въ дождливое время, когда сидѣлъ празденъ, вдругъ пришло мнѣ въ голову, что разбойники могутъ на насъ напасть,

что пистолеты мои понадобятся и мы — словомъ ты самъ знаешь, какъ иногда бродятъ мысли, если человѣкъ ничемъ не занятъ. Я приказалъ слугѣ вычистить и зарядить пистолеты. Онъ сталъ шутить съ служанкою; хочетъ ее постращать, и Богъ знаетъ! какимъ то случаемъ курокъ у него сорвался, когда еще шонполъ былъ въ дулѣ; онъ выстрѣлилъ по ней и отбилъ ей у руки большой палецъ. Представь себѣ тогдашній вопль и крикъ! Сверхъ же сего надлежало и лѣкарю платить. Съ тѣхъ поръ пистолеты мои всегда не заряжены. Къ чему, любезный другъ, служитъ намъ предосторожность, если не можетъ предвидѣть угрожающей намъ напасти! Правда — Ты знаешь, что мнѣ все мило въ Албертѣ, окромѣ сей его приговорки правда. Не извѣстно ли намъ и безъ того, что всякое общее правило подвержено изъятію? Но онъ такъ честенъ и правдолюбивъ, что

если покажется ему, что онъ сказалъ, что ни есть лишнее или не очень вѣроятное, то начинаетъ свою рѣчь ограничивать, убавлять или прибавлять пока кончитъ тѣмъ, что она ничего не значитъ. И такъ онъ по обыкновенїю своему, углубился въ разговоръ. Я больше его не слушалъ, предался своему разсужденїю и въ задумчивости, не знаю какимъ то случаемъ, приложилъ дуло пистолета ко лбу, фуй, сказалъ Албертъ, ударивъ по пистолету; что значитъ сїе? — Вить онъ не заряженъ — а хотя и не заряженъ, прервалъ онъ съ нетерпѣливостїю, но къ чему ето? Я не могу понять, какъ человѣкъ доходитъ до такой глупости, что самъ себя погубляетъ; сїя одна мысль меня ужасаетъ.

Но вы умники, вскричалъ я, откуда почерпнули правило такъ говорить: ето разумно, а ето глупо, то худо, а ето хорошо! Что

сїе значитъ? Вникли ль вы во внутреннїя причины таковаго поступка? Испытали ль по чему оный воспослѣдовалъ, и по чему воспослѣдовать долженствовалъ? Если бы вы все сїе знали, не судили бы такъ рѣшительно.

Однакожъ ты признаться можешь и самъ, сказалъ Албертъ, что нѣкоторыя поступки со всемъ не позволительны, какїя бы ни были побудительныя къ тому причины.

Я подтвердилъ его мнѣнїе пожавъ плечами. Однакоже, любезный другъ, есть и тутъ нѣкоторыя выключки. Воровство на примѣръ, хотя и есть преступленїе; но тотъ, которой сдѣлаетъ оное отъ крайней бѣдности и съ тѣмъ только, что бы спасти жизнь свою и своего семейства отъ голоду, наказанїя ли или сожалѣнїя достоинъ? Кто первый побїетъ камнемъ того, который въ самомъ жару ярости принесетъ въ жертву вѣроломную свою жену

и соблазнившаго ее любовника? Кто посягнетъ на жизнь молодой дѣвицы, совратившейся отъ прелести любовной! Въ семъ случаѣ и законы, сіи строгіе и холодные исполнители правъ, сами умягчаются и удерживаютъ наказаніе.

Сіе совсемъ другое, сказалъ Албертъ; ибо человѣкъ страстію терзаемый, теряетъ разсудокъ и уподобляется пьяному или безумному — Ахъ вы то благоразумные люди! вскричалъ я, смѣючись, у васъ всегда на языкѣ страсть, безуміе, сумазбродство; вы спокойны, вы безпристрастны, убѣгаете пьяницы, проклинаете безумнаго, уклоняетесь отъ нихъ яко книжники, и благодарите Всевышняго яко Фарисеи за то, что онъ не сотворилъ васъ подобными одному изъ сихъ. Я самъ не однократно упивался, страсти мои едва съ безуміемъ не равнялись; я етимъ не стыжусь, зная что не рѣдко называютъ безумными и тѣхъ,

кои себя отличили особливыми и почти невѣроятными подвигами.

Несносно также въ частной жизни, когда молодой человѣкъ окажетъ какой нибудь вольной, благородной и неожидаемой поступокъ. Тогда всѣ вопіютъ: онъ пьянъ, онъ безуменъ! Стыдитесь воздержные, стыдитесь мудрецы міра сего — Ты опять начинаешь умствовать, сказалъ Албертъ, и всегда отходишь отъ настоящей цѣли; по крайней мѣрѣ ты теперь не правъ, уподобляя самоубивство, о которомъ у насъ рѣчь зашла, великимъ подвигамъ, когда оное не иное что какъ слабость, по тому что легче умереть, нежели сносить бѣдственную жизнь.

Я хотѣлъ было прервать разговоръ, по тому что ни что такъ скоро не выводитъ меня изъ предѣловъ, какъ обыкновенныя доказательства, когда я говорю отъ всей внутренности сердца! но по-

удержался для того, что часто уже оное слышалъ и довольно сердился; и по тому отвѣчалъ ему съ жаромъ. Ты называешь сіе слабостію! Пожалуй, не ослѣпляйся наружностію. Народъ стенающій подъ несноснымъ игомъ тиранна, назовешь ли ты слабымъ, если онъ на конецъ востанетъ и разорветъ свои оковы? или человѣка, которой отъ страху, видя домъ свой пламенемъ объятый, напрягаетъ всѣ свои силы и подымаетъ ноши, которыхъ въ спокойномъ состояніи и подвинуть бы не могъ? или того, которой отъ жестокой обиды нападаетъ на шесть человѣкъ и оныхъ разгоняетъ? Другъ мой, если напряженіе силъ составляетъ крѣпость, почтожъ надорвеніе называться должно противнымъ тому? Албертъ посмотрѣвъ на меня пристально, сказалъ: не прогнѣвайся, всѣ твои примѣры кажутся мнѣ несходными съ предметомъ нашего разговора. Можетъ

статься, отвѣчалъ я, меня часто уличали, что я иногда заговариваюсь. Посмотримъ же теперь, не можемъ ли мы представить себя въ другомъ видѣ, какъ такого человѣка, которой рѣшится низложить съ себя бремя жизни, въ протчемъ драгоцѣннымъ почитаемое; ибо мы о семъ не инако разсуждать можемъ съ нѣкоторою точностїю, какъ вошедъ въ тонкость его состоянїя.

Природа человѣческая, продолжалъ я, имѣетъ свои предѣлы, она сноситъ до извѣстнаго степени радость, терпѣнїе и скорбь; но преступя оный, уничтожается.

Слѣдственно рѣчь теперь идетъ не о томъ кто мужественнѣе или щадушнѣе; но можетъ ли человѣкъ переходить мѣру своихъ страданїй, какїя бы онѣ ни были, нравственныя или физическїя, и мнѣ кажется столь же странно называть самоубїйцу безумнымъ

какЪ и того, которой умираетЪ вЪ горячкѢ.

НѢтЪ несправедливо; со всемЪ несправедливо! вскричалЪ АлбертЪ-- Однакоже не такЪ несправедливо, отвѢчалЪ я, какЪ ты думаешь. Ты согласенЪ вЪ томЪ, что смертельною болѢзнїю называемЪ мы ту, отЪ которой природа такЪ истощена, что половина ея силЪ со всемЪ уже разрушилась, а другая вЪ такомЪ изнеможенїи, что не вЪ состоянїи никакою благополучною перемѢною поправить и востановить обыкновеннаго теченїя жизни.

Теперь перемѢнимЪ сїе кЪ разуму. РазсмотримЪ и его вЪ своихЪ предѢлахЪ какЪ впечатлѢнїя надЪ нимЪ дѢйствуютЪ, какЪ скопляются вЪ немЪ мысли, пока усугубляющаяся страсть лишаетЪ его всѢхЪ способностей, кои имѢлЪ онЪ вЪ спокойномЪ положенїи, и на конецЪ со всемЪ оный затмѢваютЪ.

Тщетно благоразумный и безпристрастный человѣкъ входитъ въ состоянїе сего нещастнаго, и уговариваетъ его; ибо онъ какъ здравый собесѣдникъ сидя у больнаго не сообщаетъ ему ни малѣйшихъ своихъ силъ.

Сїи разсужденїя ни мало не убѣдили Алберта. Я напомнилъ ему объ утопшей дѣвкѣ, найденной предъ симъ не за долго, и повторилъ ему о ея приключенїи. Она сперьва привыкла къ домашнимъ трудамъ, производимымъ чрезъ цѣлую недѣлю такъ, что не знала другаго себѣ утѣшенїя, какъ только по воскреснымъ днямъ выттти за городъ съ подругами своими, а въ годовой праздникъ можетъ быть разъ проплясать, достальное же время переговорить съ сосѣдкою о какихъ либо спорахъ и несогласїяхъ; но на конецъ почувствовала внутреннїя желанїя, умноженныя еще больше ласкательствомъ му-

щинѣ; тогда прошедшія забавы становились ей мало по малу несносными, пока находитѣ она человѣка, кѣ коему со всѣмѣ незнакомое ей чувство тайно ее привязываетѣ; она полагаетѣ на него всю надежду, забываетѣ все окружающее ее, ничего не слышитѣ, ничего не видитѣ, ничего не чувствуетѣ окромѣ его, имѣ однимѣ занимается, его одного желаетѣ. Она не бывѣ испорченна удовольствіемѣ непостоянной суеты, простираетѣ намѣренія свои кѣ настоящей цѣли: она хочетѣ со всемѣ ему предаться, хочетѣ найти вѣ вѣчномѣ сѣ нимѣ союзѣ искомое блаженствоо и вкусить желаемыя приятства. Частыя обѣщанія утверждаютѣ ея надежду, дерзновенныя ласки возжигаютѣ ея желанія и плѣняютѣ ея сердце; она утопаетѣ вѣ радости предбудущихѣ утѣхѣ и вѣ сладчайшемѣ восторгѣ простираетѣ руки кѣ приятію его требованій — Но увы!

— Возлюбленный ее покидаетъ! Она безчувственна, оцепенѣла стоитъ надъ пропастью, тьма ее окружаетъ; нѣтъ намѣренія, нѣтъ отрады, нѣтъ надежды, ее покинулъ тотъ, въ комъ единомъ жизнь свою полагала. Она не видитъ предъ собою пространства цѣлаго свѣта, не находитъ никого, кто бы могъ замѣнить ея потерю, чувствуетъ себя одну и всѣми оставленную — И такъ ослѣпленная и угнѣтенная сердечною горестію ввергается въ пучину для прекращенія своего бѣдствія — Слышишь, Албертъ, приключеніе: оно со многими случается, и какъ ты думаешь, не можетъ ли назваться сіе болѣзнію! Природа не въ состояніи выйти изъ Лабиринта изнуренныхъ и борющихся силъ, и человѣкъ непремѣнно умереть долженъ.

Горе тому, кто видя сіе, дерзнулъ бы сказать: о безумная! еслибъ она обождала, еслибъ поз-

волила взять времени верхъ, отчаяніе бы ея уменшилось, и нашелся бы другой ее утѣшить.

Сіе столько же значитъ, если бы кто сказалъ: о безумный! онъ умираетъ отъ горячки! когда бы онъ дождался пока силы его укрѣпились и волненіе крови утолилось, все бы было благополучно и онъ бы еще по сіе время жилъ.

Албертъ не довольствуяся симъ, дѣлалъ мнѣ еще нѣкоторыя возраженія и между прочимъ включилъ, что я взялъ въ примѣръ только простую и непросвѣщенную дѣвку, но что онъ понять не можетъ, чтобы человѣкъ здраваго разсудка и знаній пространнѣйшихъ, дошелъ до такой крайности. Другъ мой, сказалъ я ему: премудрость человѣческая ничего не значитъ, и разсудокъ ни мало не дѣйствителенъ, когда страсть имъ обуяетъ и стѣснитъ предѣлы его естества — Въ другой разъ пого-

ворим о сем по больше, продолжал я, схватясь за свою шляпу. Ах! как было сердце мое исполнено! — Мы расстались друг друга не разумѣв; да в нынѣшнем свѣтѣ и рѣдко один другаго разумѣют.

ПИСЬМО XXX. Августа 15.

Извѣстно, что в свѣтѣ одна только любовь дѣлает людей взаимно нужными. Я вижу, что Шарлота расстается со мною прискорбно, а дѣти ни о чем больше не помышляют как о том, что я приду опять завтра. Сего дня ходил я к сей любезной дѣвицѣ, чтобы настроить ея клавиры, но ни коим образом не мог сего исполнить: дѣти не дали мнѣ покою бѣгая и приступая ко мнѣ, чтобы разсказал им сказку, и Шарлотѣ хотѣлось, что бы я их удовольствовал. Я роздал им с начала полдник, ибо они при-

нимаютъ отъ меня оный теперь также охотно, какъ и отъ Шарлоты, а по томъ началъ сказывать имъ наилучшую изъ моихъ сказокъ о Принцесѣ, при коей служили одни недоросли. Сїе упражненїе, увѣряю тебя, самому мнѣ весьма полезно, и я удивляюсь дѣйствїю, каковое оно надъ ними производитъ. Когда я вымышлю какое ни будь произшествїе, кое включить забуду во второмъ повѣствованїи, то сїи маленькїе плутишки не преминутъ мнѣ напомнить, что въ прошлый разъ инако разсказывалъ; и такъ я теперь стараюсь пересказывать безъ всякой перемѣны и половину на распѣвъ; изъ чего научаюсь, сколь много писатель портитъ свою книгу, перемѣняя нѣкоторыя въ ней мѣста, хотя бы то и къ лутчему служило, во второмъ ея изданїи. Ибо мы охотнѣе принимаемъ первыя впечатлѣнїя; человѣкъ же есть такого свойства творенїе, что его увѣрить

можно и въ невозможномъ, и сїе тотъ часъ начертавается въ его мысляхъ; и по тому нещастливъ тотъ, кто пожелаетъ опять истребить сїе начертанїе!

ПИСЬМО XXXI. Августа 18.

Такъ ли сему быть надлежало? Въ чемъ человѣкъ полагалъ свое блаженство, то сдѣлалось для него источникомъ злополучїй!

Жарчайшее чувство, которое привязывало меня ко всей природѣ, и наполняло радостїю, представлявшею мнѣ рай во всемъ меня окружающемъ, превратилось нынѣ въ несноснаго тирана, который меня мучитъ и терзаетъ и повсюду гонится за мною. Прежде сего взиралъ я съ вершины каменнаго утеса на величество рѣки, напояющей плодоносную сїю долину, все текло и произрастало; я видѣлъ сїи горы покрытыя отъ подошвъ до самыхъ хребтовъ высокими и густыми деревами, а сїи долины во

многоразличныхъ своихъ кривизнахъ осѣненныя возлюбленными рощами; тихая рѣка протекала между шумящимъ тростникомъ и отражала видъ тончайшихъ облаковъ, носимыхъ по воздуху легчайшимъ зефиромъ; я слышалъ птицъ восхитительнымъ пѣнїемъ оживляющихъ лѣса, и возлежа на травѣ внималъ неисчетнымъ тьмамъ мошекъ, которыя при багряной вечерней зарѣ рѣзво около меня толклися; я видѣлъ мохъ извлекающїй изъ камня пищу, и рашникъ (*) произрастающїй на сухихъ песчаныхъ пригоркахъ; все сїе представляло глазамъ моимъ тотъ священный огонь, коимъ оживляется природа, все сїе воспринималъ я съ нѣжнѣйшею горячностїю сердца, забывался въ безпредѣльныхъ чувствахъ, и величественные виды безконечнаго мїра живо начертавались въ душѣ моей.

(*) Das Ecnisse.

Ужасныя горы меня окружали, стремнины были подъ моими ногами, шумящіе источники упадали возлѣ меня, быстрыя рѣки протекали, лѣса и горы изъ дали отдавались шумомъ. Я видѣлъ во глубинахъ земныхъ нещетныя движущія силы и множащіяся безконечно. Всѣ твари Создателя во многоразличныхъ видахъ обращаются на землѣ и подъ небесами, а человѣкъ кроясь и гнѣздясь въ своей хижинѣ, мечтаетъ быть владыкою сего пространнаго міра! Нещастное созданіе! Ты зришь все сіе въ малѣ, что само не велико! горы и пустыни ни кѣмъ не прикосновенныя, до самаго края невѣдомаго океана, все оживотворено вдохновеніемъ Предвѣчнаго, которой утѣшается и самою малѣйшею пылинкою, получившею отъ него свое бытіе. Ахъ! колико кратъ парящій надо мною журавль возбуждалъ во мнѣ желаніе перенестись на берега неизмѣримыхъ морей и почерпнуть на оныхъ изъ предвѣч-

ной Безконечнаго чаши жизненную отраду, и возчувствовать, хотя на мгновенїе, въ ограниченныхъ силахъ моего нѣдра, едину каплю блаженства того существа, которое все въ себѣ и собою производитъ!

Возлюбленный другъ, одно воспоминовенїе утѣшаетъ меня сихъ прошедшихъ дней; напряженїе разума, представляющее мнѣ всѣ оныя чувства, и подающее способъ къ изъясненїю оныхъ, возвышаетъ мою душу превыше ея существа, и даетъ сугубо чувствовать бѣдствїе нынѣшняго моего состоянїя.

Завѣса души моей отверзлась, зрѣлище перемѣнилось; а на мѣсто явленїя предвѣчную жизнь представляющаго, вижу предъ собою бездну вѣчно отверзстой могилы. Можешь ли сказать: сїе существуетъ, когда все проходитъ, все уноситъ быстротекущее время, и сїе преходящее бытїе или въ пучинѣ

поглощается или разбивается о камень. Нѣтъ мгновенїя, которое бы не разрушило и тебя самаго и окружающихъ тебя, нѣтъ мгновенїя которое бы не дѣлало тебя разрушителемъ. Самое безвинное утѣшенїе, прогулка, стоитъ жизни тысячи тысячей несѣкомыхъ, каждый шагъ разоряетъ сданїе трудолюбиваго муравья, и сїя попранная тварь безвременно погребается. Но ахъ! не наводненїе потопляющее села, ни землетрясенїе пожирающее грады, столь рѣдко случающїяся бѣдствїя въ свѣтѣ, меня трогаютъ, сердце мое снѣдаетъ сїя разрушающая сила, сокрытая во всей природѣ, которая ничего не произвела, чтобы не разрушало и самаго себя, и что ему прикосновенно. Такъ скитаюсь я внутренно терзаемый! Небо и земля и всѣ движущїяся около меня силы, представляютъ мнѣ ужасное чудовище, которое все жретъ и поглощаетъ.

ПИСМО XXXII. Августа 21.

Тщетно простираю къ ней руки, возставъ утромъ послѣ печальныхъ сновидѣнiй; тщетно искалъ ее возлѣ себя въ ночи по невинномъ мечтанiи, которое обманувъ меня лестно, представило ее по томъ сидящую со мною на лугу, и я держалъ ея руку и оную непрестанно лобызалъ. Увы! когда еще въ забвенiи рвусь къ ней коснуться и воспрянувъ — Слезы текутъ ручьями отъ сокрушеннаго сердца, и я рыдаю неутѣшно предчувствуя злощастную участь.

ПИСЬМО XXXIII. Августа 22.

О Горе! Другъ, мой! все мое трудолюбiе переродилось въ несносную тоску, не могу быть празднымъ, не могу ни чемъ заниматься. Мысль не воображаетъ, чувство не плѣняется красотою природы, книги омерзѣли. Всего недостаетъ, когда въ насъ самихъ не-

достатокъ. Клянусь тебѣ, что иногда желалъ бы я быть поденщикомъ, дабы только имѣть просыпаясь какую нибудь цѣль, надежду и упражненїе на цѣлый день. Часто завидую Алберту, видя его зарывшагося въ бумагахъ и представляю себѣ, какъ бы я на мѣстѣ его былъ щасливъ! Я уже не однократно хотѣлъ къ тебѣ писать и къ Министру, для полученїя мѣста при посольствѣ, въ которомъ, какъ ты увѣряешь, отказано мнѣ не будетъ. Я и самъ тожъ думаю; Министръ меня любитъ и давно уговаривалъ опредѣлиться въ службу; ето часовое дѣло; но когда о семъ подумаю и мнѣ придетъ на мысль баснословная лошадь, которая наскучивъ своею свободою позволила себя взнуздать, а по томъ о семъ раскаялась, тогда не знаю чемъ рѣшиться — Ахъ, другъ мой! желанїе къ перемѣнѣ состоянїя не есть ли слѣдствїе нетерпѣливости, сопровождающей меня повсюду?

ПИСЬМО XXXIV. Августа 28.

Еслибъ болѣзнь моя была излѣчима, то бы друзья мои конечно ее вылѣчили. Сего дня мое рожденіе, и я весьма рано получилъ пакетъ отъ Алберта. Распечатавъ оный вдругъ увидѣлъ розовой бантъ, которой имѣла на себѣ Шарлота при первомъ моемъ съ нею знакомствѣ, и котораго я нѣсколько разъ уже у нее просилъ. Къ сему присовокупленъ былъ Омиръ Венштеинова изданія, въ двухъ томахъ въ 12 долю, котораго я давно уже искалъ, по тому что Ернестево безпокойно носить въ поле. Видишь, какъ они предупреждаютъ мои желанія, и стараются услужить и малыми угожденіями дружескими, сто кратъ превосходнѣйшими драгоцѣннѣйшихъ даровъ тщеславнаго, которой насъ оными уничижаетъ. Я тысячу разъ цѣловалъ сей бантъ, и при каждомъ отдыхѣ наполнялся воспоминовеніемъ блаженства, коимъ наслаждался въ

тѣ кратчайшїе дни, въ тѣ дни, которые уже невозвратны. Другъ мой, такова то моя участь! И я не ропщу; цвѣты жизни лишь только появляются; сколь многїе увядаютъ не оставляя по себѣ слѣда, сколь не многїе приносятъ плодъ и сколь мало сихъ плодовъ созрѣваетъ! и со всемъ тѣмъ — Ахъ! можемъ ли мы не пользоваться сими плодами, презирать ихъ и покидать, чтобъ они согнивали?

Прости! время теперь наипрекраснѣйшее, мы часто бываемъ съ Шарлотою въ саду. Я взлѣзши на трушу снимаю лещеткою плоды, и подаю ей оные, а она стоя подъ деревомъ ихъ принимаетъ.

ПИСЬМО XXXV. Августа 30.

Нещастный! не безумствуешь ли ты? Не самъ ли себя обманываешь? Чемъ кончится твоя неистовая и необузданная страсть? Я уже и молитвы къ ней одной возсылаю; воображенїе мое пред-

ставляетъ ее только одну, все на свѣтѣ для меня ничто, какъ только относительно къ ней. И таковое состоянїе дѣлаетъ меня щастливымъ — до тѣхъ поръ, пока долженъ ее оставить — ахъ! другъ мой, часто меня къ тому само сердце понуждаетъ. — Когда такимъ образомъ посижу возлѣ ея два или три часа, и преисполнюсь ея видомъ, поступками и божественнымъ выраженїемъ ея словъ, тогда всѣ чувства мои мало по малу напрягаются, глаза мои омрачаются, я ничего не слышу, духъ во мнѣ спирается, и какъ злодѣй меня душитъ, сердце трепещетъ жестоко, кровь въ жилахъ застываетъ; о другъ мой! часто забываю существую ли я или нѣтъ. И если иногда томленїе меня не превозможетъ, и Шарлота не позволитъ мнѣ сего печальнаго утѣшенїя, чтобы омыть слезами ея руки, я долженъ удалиться и бѣжать въ поле. Тамъ взлѣзаю на

крутую гору, продираюсь сквозь непроходные лѣса, сквозь чепыжникъ, которой меня всего исколетъ, сквозь терновникъ, которой всего исцарапаетъ, и отъ того чувствую нѣкоторое облегченіе. Иногда отъ изнуренія и жажды поверженный лежу на землѣ, иногда въ глубокую ночь при лунномъ сіяніи прислонюсь къ дереву въ отдаленномъ лѣсѣ, дабы израненнымъ ногамъ дать хотя малое отдохновеніе, и засыпаю отъ истощенія до самаго разсвѣта. Ахъ, другъ мой! темная келія, волосяница, вериги могутъ почесться высочайшимъ услажденіемъ въ сравненіи мученій, терзающихъ мою душу. Прости! Симъ бѣдствіямъ другаго конца не предвижу окромѣ могилы.

ПИСЬМО XXXVI. Сентября 3.

Я уѣзжаю! Благодарю тебя, другъ мой, что ты рѣшилъ мое недоумѣніе. Двѣ недѣли уже, какъ

я думаю ее оставить. Она опять въ городѣ у одной приятельницы. И Албертъ — и — я поѣду.

ПИСЬМО XXXVII. Сентября 10.

Какая ночь! другъ мой, теперь я все могу перенести. Я больше ее не увижу. Увы! для чего не брошусь я въ твои объятія и ручьями слезъ не изъявлю тебѣ чувствъ, обуревающихъ мое сердце? Я здѣсь сижу, рвусь о свободномъ дыханіи и о успокоеніи себя въ ожиданіи дня и почтовыхъ лошадей.

Она теперь въ сладкомъ снѣ и не воображаетъ, что на вѣки со мною разстается. Я имѣлъ столько твердости духа, что не открылъ ей своего намѣренія чрезъ два часа нашихъ разговоровъ. Боже мой! какихъ же разговоровъ!

Албертъ обѣщался, какъ скоро отужинаетъ, притти въ садъ съ Шарлотою. Я стоялъ на валу

подъ густыми каштановыми деревьями и смотрѣлъ на захожденіе солнца, которое въ послѣдній уже для меня разъ освѣщало сію приятную долину и спокойную рѣку. Часто ходилъ я туда съ нею и былъ свидѣтелемъ величественнаго сего зрѣлища, а теперь — Я прохаживался по алеѣ, которая была мнѣ столь любезна и которой тайная сила привлекала меня къ себѣ прежде, нежели я зналъ еще Шарлоту, и мы въ началѣ нашего знакомства колико радовались, узнавъ одинакую нашу привязанность къ сему мѣсту! Оно истинно есть одно изъ баснословныхъ, которое видѣлъ я искуствомъ произведенное.

Сквозь каштановыхъ деревъ открывается вдругъ пространное поле — Но помнится мнѣ, что я уже много къ тебѣ о семъ писалъ, какимъ образомъ высокія буковыя дерева замыкаютъ алею, какъ оная отъ кустарничковъ часъ отъ часу

темнѣетъ, и напослѣдокъ кончится густою бесѣдкою, заключающею въ себѣ всѣ прелести уединенія. Я и до днесь чувствую еще расположеніе моего сердца, каковое имѣлъ тогда, какъ въ первый разъ въ полдень вошелъ въ сію прекрасную пустыню. Тайное предчувствіе презднаменовало мнѣ, что она нѣкогда будетъ зрѣлищемъ стенаній моихъ и радостныхъ восторговъ.

Я препроводилъ около получаса колеблясь въ мысляхъ о разлукѣ и возвращеніи, какъ между тѣмъ услышавъ, что они восходили на валъ, бросился къ нимъ на встрѣчу, съ трепетомъ схватилъ ея руку и оную лобызалъ. Лишь только взошли мы на сіе возвышенное мѣсто, луна начала появляться изъ за холма покрытаго кустарникомъ. Мы разговаривали о разныхъ предмѣтахъ и нечувствительно пришли къ темной бесѣд-

кѣ. Шарлота вошедъ въ оную, сѣла; Албертъ сѣлъ возлѣ нее, и я также; но смущенїе мое не дозволяло мнѣ долго сидѣть: я всталъ, постоялъ предъ нею, отошелъ, возвратился и опять сѣлъ; какое ето было мучительное состоянїе! Она обратила наше вниманїе на свѣтъ луны, которая въ концѣ буковой рощи освѣщая предъ нами весь валъ, представляла взору нашему тѣмъ величественнѣе, тѣмъ восхитительнѣе видъ, что мы окружены были отовсюду темнотою. Нѣсколько времени сидѣли мы безмолвны; по томъ начала она говорить: Я никогда не взираю на лунный свѣтъ, не воспоминая о возлюбленныхъ своихъ, коихъ лишилась, и не воображая о смертномъ часѣ и будущей жизни. Безъ сомнѣнїя, продолжала она съ чувствительнѣйшимъ выраженїемъ, мы будемъ жить и по смерти, но увидимся ли мы опять, Вертеръ! узнаемъ ли мы другъ

друга! какъ вы о томъ думаете, какъ разсуждаете?

На сіе я ей отвѣчалъ, протягивая къ ней руку и съ полными слезъ очами: мы опять увидимся! здѣсь и тамъ! — Больше ничего сказать немогъ. — Ахъ! другъ мой, надлежало ли ей вопрошать меня о семъ, въ то самое мгновеніе, когда душа моя терзалась воображеніемъ о разлукѣ?

А возлюбленные наши, продолжала она, коихъ нѣтъ больше на семъ свѣтѣ, знаютъ ли о томъ, что мы въ благополучіи своемъ всегда воспоминаемъ объ нихъ съ нѣжною чувствительностію? Образъ дражайшей родительницы моей всегда обращается въ моихъ глазахъ, когда въ тихій вечеръ сижу посреди ея дѣтей, а теперь моихъ, я вижу собравшихся ихъ около себя, какъ собирались они около ея. Когда возвожу плачев-

ный взоръ съ желанїемъ на небо, чтобы она возрѣла на меня, съ какимъ усердїемъ исполняю я данное ей мною слово при послѣдней ея кончинѣ, чтобъ быть матерїю ея дѣтямъ; сто кратъ вопїю къ ней: прости меня, возлюбленная мать! прости, если я не такова, какова ты была къ намъ! Увы! однако, я дѣлаю все возможное: они сыты, одѣты, и что важнѣе того, воспитаны и любимы мною. Ахъ! еслибъ ты могла видѣть взаимный нашъ союзъ и преданность, то бы конечно возблагодарила Всевышняго, коего, умирая, въ горчайшихъ просила слезахъ о неоставленїи своихъ дѣтей! Таковы были ея слова! Ахъ другъ мой! кто повторитъ сказанное ею! Возможетъ ли холодная и безчувственная душа изъяснить божественныя ея выраженїя? Албертъ вошелъ тихо въ ея рѣчь, говоря къ ней, ты очень растрогалась, любезная Шарлота; я знаю, что сїи

напоминовенія для тебя драгоцѣнны, но прошу тебя — Ахъ! Албертъ, отвѣчала она, знаю я, что и ты не можешь забыть тѣхъ приятныхъ вечеровъ, кои препроводили мы вмѣстѣ сидя всѣ трое около кругленькаго столика въ небытность батюшки и когда всѣ дѣти спали. Ты часто имѣлъ предъ собою книгу, но рѣдко что нибудь въ ней читалъ. И кто бы не предпочелъ всему на свѣтѣ собесѣдованіе добродѣтельнѣйшія сія души! Какая въ ней была красота; какая кротость, веселость и трудолюбіе! Богу одному извѣстно, сколь часто въ постелѣ моей обливалась я предъ нимъ слезами, чтобы онъ сдѣлалъ меня подобною ей!

Шарлота! вскричалъ я, бросясь къ ея ногамъ и омывая ея руки слезами, Шарлота! благодать божія всегда почіетъ надъ тобою, и душею матери твоей! — Если бы

ты зналъ ее, сказала она, пожавъ мою руку! — Она стоила твоего знакомства — Я окаменѣлъ, не слышавъ никогда такихъ о себѣ похвалъ, а она продолжала: и ей надлежало умереть въ цвѣтущихъ еще лѣтахъ, когда младшему ея сыну и полугода не минуло. Болѣзнь ея была непродолжительна; она лежала спокойно и со всемъ приготовилась; одни только дѣти ее сокрушали, особливо послѣдній ея сынъ. Когда почувствовала она свою кончину, то велѣла ихъ къ себѣ привести. Я ихъ привела, и они всѣ стали около ея постели, малые не разумѣя своего нещастія, большіе отъ горести внѣ себя; она воздѣвъ къ небу дрожащія свои руки, возносила объ нихъ молитвы, и облобызавъ каждаго отпустила, по томъ сказала мнѣ: будь имъ мать! Я испонить сіе обѣщалась! Ты много обѣщаешь, любезная дочь моя, продолжала она, ты обѣщаешь и сердце и по-

печенїе матернее! Но благодарныя твои слезы часто увѣряли меня, что ты долгъ сей понимаешь. И такъ будь къ братьямъ и сестрамъ нѣжна и попечительна какъ мать, а отцу вѣрна и послушна какъ жена. Ты его утѣшишь. Послѣ сего велѣла она и его позвать, по тому что онъ на ту пору вышелъ, дабы скрыть отъ насъ тягчайшую свою печаль, которая всю внутренность его терзала.

Албертъ, ты тутъ же былъ! Она услышавъ, что нѣкто ходитъ въ комнатѣ, спросила, и узнавъ что это ты, позвала тебя къ себѣ. Сколь весело, сколь спокойно взирала она и на тебя и на меня, что мы вмѣстѣ будемъ щастливы! Албертъ бросился къ ней на шею, и лобызая ее вскричалъ: Мы щастливы и теперь, и будемъ щастливы! Ахъ ты спокойный Албертъ! Ты со всемъ своимъ равнодушїемъ былъ внѣ себя, да и я себя не помнила!

Вертеръ, продолжала она, ей ли надлежало намъ оставить! О боже милосердый! иногда помышляю я, ты ли предопредѣлилъ таковую съ возлюбленными намъ разлуку? Но никто такъ сего не чувствовалъ какъ дѣти, которые долго жаловались, что черные люди унесли ихъ матушку.

Шарлота встала, и я отъ иступленія возбудился, но сидѣлъ неподвиженъ, не выпуская ея руки. Пойдемъ, сказала она, пора! Она вырывала руку, а я крѣпче оную держалъ! Мы увидимся, и другъ друга узнаемъ, вскричалъ я, въ какомъ бы то ни было видѣ! Я разстаюсь, продолжалъ я, иду охотно; но еслибъ ето было на вѣки, я бы не перенесъ. Прости, Шарлота! Прости, Албертъ! Мы увидимся! — Завтра! думаю я, примолвила она съ усмѣшкою. Ахъ! какъ чувствительно слово завтра! Увы! она не воображала вырывая

свою руку изъ моей — она пошла по алеѣ. Я всталъ, провожалъ ее при лунномъ сїянїи глазами, палъ на землю, обливался слезами, по томъ вскочилъ, взбѣжалъ на валъ и видѣлъ еще въ тѣни деревъ бѣлое ея платье у самыхъ воротъ саду, я простеръ руки, а она уже скрылась въ моихъ глазахъ.

Конецъ первой части.